

Л. Хеймсон

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В ГОРОДСКОЙ РОССИИ
1905–1917 гг.***

L.H. Haimson. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905–1917. L. Haimson, whose works are well-known in American Russian studies, tries to link the specific traits of the social appearance of the metropolitan proletariat to its political sympathies towards Bolshevism. He displays substantiation of coming to power by V.I. Lenin and his followers against the background of relations between various parties and factions and of the political struggle between 1905 and 1917.

I

Если ученый, занимающийся истоками событий 1917 г., обратится к литературе, появившейся по данному вопросу в 1920-х и в начале 1930-х, он, вероятно, будет удивлен. Его поразит степень согласия советских и западных исследователей по двум основным положениям. Первое из них, которого придерживались как западные, так и советские историки, заключается в том, что так же, как и другие «классические» революции, революция 1917 г. должна рассматриваться не как историческая случайность или следствие ближайших исторических обстоятельств, а как кульминация длительного исторического процесса, восходящего к отмене крепостного права или даже к появлению в начале девятнадцатого столетия российской революционной интеллигенции. В противовес первому, второе положение, которое были еще готовы допустить в то время многие советские историки, заключается в том, что, несмотря на глубокие исторические корни, революционный процесс был существенно ускорен внесением дополнительного напряжения в российскую внутреннюю политику Первой мировой войной.

Безусловно, сама приверженность обоим этим положениям послужила поводом для ряда противоречивых интерпретаций и оценок революции и ее причин. Это хотя и в незначительной степени, но воздействовало на общий дискурс, где еще преобладали неопровержимые ценности, которые уже должны были отделять «марксистских» историков от «буржуазных». За годы сталинского режима и «холодной войны» этот общий дискурс исчез, а вместо него в советском и западном видении десятилетия, предшествовавшего революции 1917 г., появились две практически несовместимых и в то же время почти одинаково несокрушимых точки зрения.

В первой из них, которую советские историки выдвинули для демонстрации «закономерности» исторической логики (и, следовательно, исторической правомерности) октябрьских событий, отмечается появление нового, быстро надвигающегося «революционного подъема» в годы, непосредственно предшествующие Первой мировой войне.

* Впервые опубликовано: *Slavic review*. V. 23. 1964. № 4. P. 619–642; 1965. V. 24. № 1. P. 1–22. Перевод Ю. Тимотиной.

Согласно периодизации, принятой для этой точки зрения, первые скромные признаки «реакции», наступившей в российском обществе после столыпинского государственного переворота, появились уже в 1910—1911 гг. Вначале новый революционный подъем рос очень медленно, и только в апреле—мае 1912 г., вслед за расстрелом на Ленских золотых приисках, он моментально пошел на подъем. С этого времени, как принято считать, революционная волна усиливалась с такой драматической стремительностью, что к лету 1914 г. страна созрела к решающему революционному перевороту, к которому большевики готовились начиная с лета 1913. Очевидно, что по этой схеме война не рассматривается как фактор, радикально способствовавший развязыванию революционного взрыва. Напротив, как утверждается, начало войны способствовало подавлению большевистских организаций и вызвало, хотя и на короткий срок, шовинистические настроения среди все еще несознательных элементов трудящихся масс и тем самым временно задержало неизбежное развитие событий. И только в конце 1915 г. революционное движение вновь набрало силу, которая два года спустя окончательно сокрушила старый порядок.

Отчасти в качестве ответной реакции на такой советский стереотип и вызванное им серьезное искажение фактов, в 1940—1960-е гг. во многих западных исследованиях сложилась диаметрально противоположная и в равной степени непререкаемая точка зрения по вопросу об истоках 1917 года. Согласно ей, между революцией 1905 г. и началом Первой мировой войны все основные сферы российской жизни были охвачены процессами политической и социальной стабилизации. Если бы не война и сопутствующие ей проблемы, эти процессы спасли бы российское государство от революции или, по крайней мере, от радикального переворота, какой Россия, в конце концов, пережила, когда большевики захватили власть.

Необходимо отметить, что не все данные, на которых базируются эти противостоящие друг другу западная и советская концепции, отличаются друг от друга столь же радикально, как на то указывают их сложные интерпретации. Действительно, в том, что касается периода от столыпинского переворота и до 1909—1910 гг. («годы репрессий и реакции», как их описывают советские историки), как бы ни отличались объяснения и определения событий, в советских и западных оценках можно найти схожие, хотя и весьма приблизительно, трактовки того, *что происходило в действительности*.

Например, даже советские историки готовы признать распад, который испытало революционное движение в течение этих лет; и успех репрессивных мер правительства вопреки работе большевистского подполья, а также дезертирство от революции большей части радикальной интеллигенции и чувство апатии, которое временно охватило массы рабочих. Советские историки также признали новое логическое обоснование третьеиюньского режима — как попытку правительства заручиться поддержкой зажиточной части городской буржуазии. Они безосновательно преувеличивали готовность этих элементов «контрреволюционной» буржуазии искать в рамках нового порядка пути сближения со старым режимом и его дворянской опорой. Безусловно, советские историки были менее подготовлены, чем их западные коллеги, к признанию прогресса, который был фактически достигнут в течение столыпинского периода модернизации российской жизни. В то же время, основные тенденции, которые те и другие обнаружили в течение этих лет как в правительственной политике, так и в общественном мнении, не столь сильно различаются.

То минимальное согласие, о котором я только что упомянул, совершенно исчезает в интерпретации периода с 1910—1911 гг. до начала Первой мировой войны. В принципе, как мы видим, разногласие состоит в том, что, в то время как советская историография разглядела в спаде во время третьей Думы начало нового, быстро растущего революционного подъема, большинство западных историков не были

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

готовы признать обоснованность подобной периодизации. Напротив, во все усиливающейся действенности столыпинских реформ в деревне и все большей жизнеспособности, демонстрируемой земствами и другими учреждениями местного самоуправления, они усмотрели процессы модернизации и вестернизации, которые начались гораздо раньше и затем все более широко распространялись в сельских и провинциальных уголках государства. Безусловно, многие западные историки признают тревожный знак, проявившийся накануне войны в виде развивающегося конфликта между реакционной позицией правительственных кругов и либеральными ожиданиями общества (кризис в связи с убийством Столыпина, часто чрезмерно персонифицированный в интерпретациях). Но большинство из них пришло к заключению, что без войны этот кризис мог быть и был бы решен, не вызывая глубоких общественных потрясений, путем более или менее мирной реализации либеральными элементами российского общества их давнего требования учреждения парламентской системы западного образца.

Как ни странно, абсолютно противоположные мнения западных и советских историков по поводу предвоенных лет отчасти построены на явлении, по которому позиции обеих школ совпадают, а именно на том факте, что начиная с 1910—1911 гг. российская промышленность оправилась от упадка, в котором она находилась с начала века, и вошла в пору нового большого подъема. Советские историки в меньшей степени подчеркивали самостоятельный и сбалансированный характер этого нового промышленного скачка по сравнению с большим рывком 1890-х гг., они были настроены менее оптимистично относительно его долгосрочных перспектив, но не отрицали сам факт подъема. Напротив, они считали его главным «объективным фактором», лежащим в основе возрождения российского рабочего движения и восстановления партии большевиков, которые почти исчезли в предшествовавшие годы.

Это значит, что мы пришли к сути разногласий между западными и советскими историками в вопросах динамики довоенного периода и, более широко, к вопросу об истоках российской революции. Даже такой осторожный и искушенный историк, как Александр Гершенкрон, видел в экономическом развитии России накануне войны причины для социальной и политической стабилизации, в отличие от промышленного роста 1890-х гг., единодушно признанного социально тяжелым. Гершенкрон и другие западные авторы находили отражение этого стабилизирующего эффекта российского экономического прогресса накануне войны в заметном снижении социального и политического напряжения как в деревне, так и в рабочих районах городов. «Безусловно, — отмечал он, — начиная с апреля 1912 забастовочное движение рабочих снова набирало силу». Очевидно, что экономическое положение рабочих улучшалось, и «во вспышке забастовочного движения, казалось, преобладали экономические проблемы». Гершенкрон признавал, что

«в определенных условиях данного периода любой конфликт, касающийся заработной платы, стремился принять политический характер из-за того, что полиция и армия всегда были готовы выступить на стороне хозяев <...> Но это не означало, что мнения и настроения в рабочем движении становились более революционными. Как показала история европейских стран (таких, как Австрия и Бельгия), острая политическая борьба была свойственна периодам формирования рабочего движения, которое в итоге, хотя и не всегда гласно, склонялось к реформизму. Мало сомнений в том, что русское рабочее движение тех лет медленно переходило на путь ревизионизма и тредюнионизма»¹.

¹ Gershenkron A. Problems and Patterns of Russian Economic Development // The Transformation of Russian Society. Ed. by C.E. Black. Cambridge (Mass.), 1960. P. 60.

На этом фоне якобы растущей умеренности российского рабочего движения картина будущего партии большевиков в предвоенный период, в том виде, в каком ее обычно рисуют западные ученые, представляется очень унылой.

Так, например, в своем исследовании этого периода Леонард Шапиро особое внимание обращает на политический паралич, к которому Ленин и его сторонники, похоже, привели себя в июле 1914 г.; на изоляцию фракции большевиков в рамках РСДРП, продемонстрированную расстановкой сил в решениях Брюссельской конференции, созванной в июле 1914 по инициативе Интернационала, где представители всех фракций и национальных партий, за исключением Латвии, выступили против большевиков; на потери в рядах большевиков в результате регулярных арестов, производимых полицией по наводке агентов охраны, успешно скрывающихся на всех уровнях партийного аппарата; на якобы последовательное снижение популярности большевиков в среде рабочих, начиная с осени 1913 г., как результат их раскольнической деятельности, особенно в Думе; на последний удар, нанесенный престижу большевиков разоблачением их наиболее популярного оратора в России Романа Малиновского как *агента-provокатора*. «Никогда еще противники большевиков не были так сплочены как сейчас», к завершению Брюссельской конференции. Шапиро также заключает:

«Именно теперь, когда за ними стояла вся мощь Интернационала, казалось более вероятным, чем это было в 1910 г., что лидеры партии меньшевиков найдут достаточно смелости порвать с Лениным навсегда, если он будет упорствовать в своей политике раскола любой ценой. Если бы удалось изолировать Ленина с его непримиримостью, то существовала значительная вероятность, что многие его “миротворцы” — последователи, которые присоединились к нему в 1912 г., снова отойдут от него. Кроме того, большевистская организация находилась в более плачевном состоянии в 1914 г. по сравнению с 1912 г.: подпольные комитеты были разгромлены, средства исчерпаны, а тираж “Правды” резко снизился под влиянием раскола думской фракции»².

Как и многие западные историки, Шапиро полагает, что уже к июлю 1914 г. большевистской партии был вынесен смертный приговор. И если бы не начавшаяся война, он был бы приведен в исполнение.

Контраст между этой картиной и мнением советских историков, безусловно, поразительный. Не только потому, что согласно их концепции, 27 месяцев, ведущих к войне, прошли под знаменем грандиозного подъема стачечного движения, которое день ото дня принимало все более ярко выраженную политическую окраску и революционное настроение. Но также и потому, что, как они считали, в этом движении доминировал, главным образом, «классово сознательный» потомственный пролетариат, закаленный опытом революции 1905 г. и годами реакции, а руководила им оживившаяся партия большевиков, под флагом которой объединились в начале 1914 «четыре пятых всех рабочих России». Безусловно, стабильному движению партии по направлению к революции противостояли различные фракции русской социал-демократии. Но согласно советской точке зрения, эти фракции представляли собой летом 1914 г. немногим более, чем пустую оболочку, основывающуюся только на поддержке буржуазной оппортунистской интеллигенции в самой России и в эмиграции. Правильность курса партии, принятого на Пражской конференции в январе 1912 г., а также Краковской и Поронинской конференциях 1913 г., в котором отвергался любой компромисс с этими буржуазно-

² Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. N.Y., 1959. P. 139–140.

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

оппортунистскими элементами, а экономические и политические забастовки и массовые демонстрации объединялись в целенаправленное движение к «**всеобщей политической забастовке, приводящей к военному перевороту**», считалась достаточно подтвержденной тем фактом, что в июле 1914 такая всеобщая забастовка «**шла полным ходом**», и вооруженное восстание было «**не за горами**»³. Советские историки утверждают, что революционный подъем достиг такого уровня, что даже руководящие круги контрреволюционной буржуазии были вынуждены признать неизбежный крах третьеиюньского режима⁴.

Какова была действительность, стоящая за этими резко противоречащими представлениями? Любая внимательная проверка данных первоисточников того времени говорит, на мой взгляд, в пользу того, что мнение о стремлении рабочего движения к умеренности, предложенное западными историками, можно даже отчасти подтвердить, но только для периода, продолжающегося от столыпинского государственного переворота до весны и лета 1912 г. Почти вплоть до самого конца этот период отличался относительным спокойствием рабочего движения, так как в условиях экономического застоя, после того как рухнули великие ожидания 1905 г., массы рабочего класса охватила апатия.

Именно в этой, в корне обманчивой обстановке мира, царствовавшей в рабочей среде, когда тщетная и заходящая в тупик подпольная борьба большевиков все более вырождалась (классический период большевистской «экспроприации»), лидеры фракции меньшевиков начали проповедовать философию и программу открытой рабочей партии и рабочего движения. Текущая задача социал-демократии, утверждали они, заключается не в том, чтобы действовать в подполье под руководством горстки конспирирующих интеллигентов. Сейчас это совершенно недостижимые максималистские цели. Задача же состоит в том, чтобы наметить в общих чертах цель и тактику рабочего движения и организационные формы, которые даже в узких рамках существующей политической системы могут дать возможность массам рабочего класса бороться, день за днем, за материальное улучшение жизни и приобрести в опыте этой борьбы сознательность и ответственность — способность сделать свой собственный вклад в свободное и справедливое общество. Меньшевики-«ликвидаторы»⁵ в течение этих лет не только четко сформулировали такое представление об открытой рабочей партии и рабочем движении, но и, казалось, продвинулись по пути формирования институтов, посредством которых это представление должно было быть реализовано. Они пытались организовать открытые рабочие союзы, кооперативы, общества рабочих, направленные на самосовершенствование и самообразование, и страховые фонды для рабочих — органы, предназначенные не только для того, чтобы помочь рабочим, но и дать возможность им строить свою судьбу. Еще более важным было то, что меньшевистские «ликвидаторы» как будто суме-

³ Очерки по истории СССР, 1907 — март 1917. / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1954. С. 239—240. В новой «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1959) постоянно используется тот же язык. Для еще большей осторожности и исторической точности — более ранний советский анализ петербургской всеобщей забастовки в июле 1914 г. и забастовок солидарности, которые она вызвала, см.: Июльские волнения 1914 г. в Петербурге. Сообщил С.Н. Валк // Пролетарская революция. 1924. №7 (30). С. 181—214; № 8/9 (31/32). С. 306—322.

⁴ Очерки по истории СССР, 1907 — март 1917 / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1954. Глава 3 и далее.

⁵ Понятие «бесчестье», которое большевики применяли к тем, кого обвиняли в защите «ликвидаторства» революционного подполья.

ли в течение этого периода создать действительно в первый раз за всю историю российского рабочего движения истинную рабочую интеллигенцию, вдохновенную их собственными демократическими ценностями, которая, казалось, будет куда более способна, чем прежнее самозванное интеллигентское руководство, обеспечить эффективную связь между образованным обществом и массами рабочих. Таким образом, в конце концов получала воплощение давняя мечта Аксельрода и Мартова о том, чтобы «сломать стены, отделяющие жизнь пролетариата от остальной жизни страны».

Безусловно, в 1910—1911 гг. меньшевистская рабочая интеллигенция еще казалась довольно слабой. Размеры и число ее открытых рабочих союзов были ничтожно малы по сравнению с размерами рабочей силы или, можно с этим согласиться, с уровнем, которого достигли организации рабочего класса накануне столыпинского государственного переворота. И даже эти хилые побеги периодически срезались властью при едва заметном сопротивлении все еще дремлющего рабочего класса.

Таким образом, даже в этот ранний (и в некотором отношении наиболее успешный) период борьбы меньшевиков за европеизированное рабочее движение можно различить значительную брешь между взглядами и реальными достижениями. Личная переписка лидеров меньшевиков в течение 1909, 1910 и 1911 гг. изобилует полными отчаяния сообщениями о «депрессии» и «усталости», охватившей ряды старшего поколения движения меньшевиков на родине и в эмиграции, о недостатке притока новых сил в движение, о незначительном числе «практиков», активно вступающих на новой арене открытого рабочего движения, — говоря коротко, о массовом удалении от политических и социальных дел, что означало процесс отхода радикальной интеллигенции от подпольной борьбы. Большинство членов партии, как подтверждают эти письма, фактически ушли от партийной деятельности и были полностью поглощены прозаической и в то же время тяжелой борьбой за продолжение обычного повседневного существования⁶.

Мрачный тон писем, появившийся зимой 1909—1910 гг., был случайно развеян сведениями о серьезных переживаниях, которые Ленин и его сторонники испытали после того, как они откололись от Богданова и его последователей. Утешительные новости о трудностях, постигших их политических оппонентов, продолжали появляться в переписке меньшевистских лидеров до самого конца 1911 г., но что особенно поддерживало их дух в течение этих трудных лет, так это ожидание того, что положение вещей улучшится, как только российское общество освободится от продолжительного состояния политической апатии, что обязательно должно было произойти.

В конце концов, разве нельзя объяснить разрыв между реальностью и мечтами не только незрелостью рабочего движения, но и препятствиями, чинимыми репрессивными мерами со стороны правительства? Раз ожидания политического оживления уже однажды оправдались, неужели нельзя было надеяться, что более прогрессивная Дума, поддержанная пробудившейся общественностью, примет закон о необходимых юридических гарантиях для открытых рабочих организаций, из которых, наконец, появится сильное, самоорганизованное и сознательное рабочее движение?

⁶ Наиболее ценным источником, раскрывающим частную реакцию меньшевистских лидеров на события в России в период 1908—1913 гг., является всё еще неопубликованная переписка между А.Н. Потресовым, находившимся в это время в Петербурге, и Ю.О. Мартовым, который оставался в эмиграции ещё некоторое время после амнистии в 1913 г. Эта переписка, состоящая из около 200 писем, хранится в архиве Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира, Стэнфорд, США (далее — НА).

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

В своей переписке с Потресовым Мартов подметил приближение такого поворотного момента в развитии взглядов уже в ноябре 1909 г.: «Все больше признаков того, что контрреволюции пришел конец, — многообещающе писал он своему в какой-то степени менее тонкому коллеге. — И если ход событий не будет искусственно фокусируем, и если, что почти несомненно, нам предстоят два-три года промышленного оживления, то момент политических выборов (четвертой Думы) может послужить и настоящим моментом “перелома”»⁷.

Прогноз Мартова в действительности оказался слишком консервативным. Перелом, который он ожидал, случился не осенью, а весной 1912 г. Толчком послужил расстрел на Ленских приисках. Новости об этом кровопролитии спровоцировали грандиозный взрыв общественного протеста и, что наиболее важно, настоящую вспышку активности российского рабочего класса. С 14 по 22 апреля только в Петербурге бастовало почти 100 000 рабочих, а общее число бастующих рабочих по стране, возможно, достигло 250 000. Эта волна протеста, забастовки и демонстрации продолжались практически непрерывно до середины мая. В майские дни 1912 г. около полумиллиона рабочих вышло на улицы — такого не было с 1905 г. — и это явилось точным предвестием количества и размаха политических забастовок и демонстраций до конца года. Даже в официальной статистике, составленной фабричной инспекцией Министерства торговли и промышленности, в которой, несомненно, недооценивается это движение, отмечается, что около 550 000 рабочих участвовало в политических забастовках в течение 1912 г. — уровень, еще не достигший революционных 1905—1906 гг., но гораздо более высокий, чем во все предыдущие годы истории российского рабочего движения⁸.

⁷ Ю.О. Мартов — А.Н. Потресову 17 ноября 1909 г. (письмо №133, копия) // НА. 57. Series 19. № 2. Л. 393.

⁸ Свод, опубликованный Министерством торговли и промышленности, содержит следующие статистические данные о забастовках на фабриках, где имела фабричная инспекция, за период 1905—1914 гг.:

Год	Забастовки	Из них политических забастовок	Забастовщики	Из них политических забастовщиков
1905	13995	6024	2863173	1082576
1906	6114	2950	1108406	514854
1907	3573	2558	740074	521573
1908	892	464	176101	92694
1909	340	50	64166	8863
1910	222	8	46623	3777
1911	466	24	105110	8380
1912	2032	1300	725491	549812
1913	2404	1034	887096	502442
1914	3534	2401	1337458	985655

См.: Министерство торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год; ... за 1914 год. СПб., 1914; Пг., 1915.

Точность этих и других, неофициальных данных о стачечном движении, особенно за период 1912—1914 гг., спорна в такой же значительной степени, как и действительная роль рабочих беспорядков, отраженных в этих сведениях. Например, доклады фабричных инспекторов сообщают о 549 812 политических стачечниках за 1912 г., подсчеты же меньшевистского обозревателя по рабочим вопросам А. Михайлова дают цифру в 1 065 000 участников, из которых более 950 000 — на предприятиях с фабричной инспекцией (*Михайлов А.*

В свете таких внушающих опасения обстоятельств, обозреватель отдела рабочего движения кадетской газеты «Речь» замечает в своем ежегодном обзоре российского рынка труда:

«Особенностью движения 1912 г. следует признать огромное увеличение числа политических забастовок <...> Общая картина рабочего движения за истекший год позволяет с несомненностью сказать, что если продолжится промышленное оживление, а это, по-видимому, так и будет, то будущий 1913 год может принести столь сильный подъем рабочей энергии, что он живо напомнит 1905-ый год. <...> Общие итоги 1912 года, без сомнения, окажутся чрезвычайно знаменательными и многоговорящими о ближайшем будущем»⁹.

Статистика забастовок 1913 г. показывает фактически продолжающийся рост рабочего движения, хотя и не в тех размерах, о которых упоминает обозреватель «Речи». Ежегодные отчеты фабричной инспекции показывают в целом весьма скромный рост числа забастовок и бастующих, и даже указывают на небольшое сокращение количества так называемых политических забастовок. Как бы то ни было, анализ данных по месяцам говорит о таком сокращении только в апреле и мае, в течение которых было отмечено гораздо меньшее количество политических забастовок и бастующих по сравнению с соответствующими месяцами 1912 г., когда имели место очень серьезные волнения, вызванные последствиями Ленского расстрела¹⁰. Таким образом, можно заключить, что в течение 1913 г. в политических выступлениях российского рабочего класса произошел некоторый спад. Очевидцы же в большинстве своем полагали, что год отличался увеличением числа как политических, так и экономических забастовок¹¹.

Точность этого диагноза подтвердили события последующих лет. В первой половине 1914 г. был засвидетельствовано беспрецедентное увеличение и экономических, и политических забастовок. Даже крайне осторожные оценки фабричной инспекции показывают для этого периода 1 254 441 бастующих. Из них 982 810 были определены как политические — цифра, почти приближающаяся к предыдущему пику 1905 г., даже если учесть, что данные 1914 г. отражали лишь первые шесть месяцев и впервые не включали промышленную Варшавскую губернию¹².

Какую действительность отражают эти статистические данные? Некоторые западные историки, чтобы оправдать свою веру в усиление реформистского характера

К характеристике современного рабочего движения в России // Наша заря. 1912. № 11/12. С. 82). Аналогичные данные «Правды» еще выше. Возможно, более надежным будет предположить, что сведения из социал-демократической печати несомненно завышены, а официальные цифры также серьезно неточны, но в противоположном направлении (не менее 20%). Такая оценка дана более нейтральным автором, наблюдавшим за рабочим движением (см., например, статьи А. Чуженникова о рабочем движении в ежегодниках газеты «Речь» за 1913 и 1914 гг.).

⁹ Чуженников А. Русское рабочее движение // Ежегодник газеты «Речь» за 1913 г. СПб., 1913. С. 151—164.

¹⁰ В докладах фабричных инспекторов число политических стачечников в апреле и мае 1912 г. — 231 459 и 170 897; в апреле и мае 1913 г. — 170 897 и 116 276. Такой разброс цифр не объясняется разницей в общем числе политических стачечников за эти два года (549 812 в 1912 г. и 502 442 в 1913 г.).

¹¹ См., напр.: Изгоев А. С. Наша общественная жизнь // Ежегодник газеты «Речь» за 1913 г. СПб., 1913. С. 202—215; Чуженников А. Русское рабочее движение // Ежегодник газеты «Речь» за 1913 г. СПб., 1913. С. 151—164.

¹² См.: Министерство торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Пг., 1915 и далее.

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

российского рабочего движения накануне войны, утверждают, что даже само деление, присутствующее в отчетах фабричной инспекции, на политические и экономические забастовки является искусственным: экономические забастовки быстро приобретали политическую окраску, как только сталкивались с грубым вмешательством полиции, и зачастую отмечались именно так в отчетах фабричной инспекции. Это верное наблюдение, оно часто отражается в докладах о состоянии рынка труда того времени. Но как подчеркивали комментаторы со стороны меньшевиков, так же часто случалось и обратное. Псевдоэкономические забастовки, руководствуясь нереальными задачами, нетерпимостью и насилием в тактике, часто демонстрировали, что тем самым они просто ищут предлог для выражения политического протеста. Это, пожалуй, относится и к 1913 г., тому самому году подъема, в котором, согласно официальной статистике, экономические мотивы доминировали в забастовочном движении. В одном из ежегодных обзоров рабочего движения, публикуемых в «*Russian Review*», отмечается:

«С ранней весны развивается неправильное и хаотическое забастовочное движение. Забастовки, иногда без всякого основания [*sic*], редко приносят прямую пользу рабочим. Вместо четко сформулированных жалоб экономического характера преобладают манифестации крайнего несогласия с условиями общественной жизни в целом. На встрече промышленников в Москве было решено, что из-за того, что забастовки носят политический характер, предупредительные меры невозможны. Меньшевики отмечают опасность необдуманной и неорганизованной борьбы, но движение продолжает свой неумолимый ход»¹³.

И в самом деле, кажется, что от Ленского расстрела и до начала войны прогресс забастовочного движения выглядел почти непрерывным потоком, в котором перемешались как экономические, так и политические требования: зачастую даже показные цели отдельных забастовок совмещали политические и экономические требования. И, что еще более важно, волны отдельных «экономических» и «политических» забастовок поддерживали друг друга: по-видимому, каждая предыдущая давала последующей дополнительный импульс, движущую силу. С начала лета описания рабочего движения, сделанные современниками, убедительно свидетельствуют, что рабочие, особенно в Петербурге, были охвачены растущим духом бунтарства — жесткой, хотя все еще разрозненной оппозиции всей власти — и инстинктивным чувством классовой солидарности¹⁴, по мере того как они сталкивались с репрессивными мерами государства и тем, что казалось им равнодушием привилегированного общества.

¹³ *Russian Review*. II. 1913. № 3. P. 176.

¹⁴ Это явление отмечено даже в периодической печати, относившейся наиболее враждебно к большевикам. Например, в статье, опубликованной в июне 1913 г., А.С. Изгоев подчеркнул огромное политическое значение современной ему «трансформации бесформенной русской рабочей массы в рабочий класс <...> под влиянием социал-демократии». Эта статья ссылается на очевидность устойчиво увеличивающегося участия петербургских рабочих в выборах, политических забастовках и демонстрациях, на «в высшей степени впечатляющее» прямое воздействие «*Правды*» на рабочих столицы уже в первый год ее существования, и особенно на проявление растущей классовой солидарности в повседневной жизни петербургских рабочих: их готовность понести финансовые жертвы ради своих товарищей на других предприятиях, «опустошительный моральный эффект» бойкота, объявленного штрейкбрехерам. Очевидно, заключил Изгоев, что переживаемый сейчас Россией «социальный кризис» прокладывает дорогу исключительно важному процессу «общественной кристаллизации» (см.: *Изгоев А.С.* Рабочий класс и социал-демократия // Русская мысль. 1913. № 6 (июнь). С. 106—128 и далее).

Однако наиболее сильное свидетельство против тезиса о том, что под внешней стороной русского рабочего движения на самом деле развивался реформизм и ориентация на профсоюзы, заключается в том, какой отклик среди рабочих по мере приближения войны получали большевистские воззвания по сравнению с меньшевистскими.

В первые месяцы нового подъема меньшевистские авторы действительно воспряли духом в связи с оживлением рабочего движения. Федор Дан как раз после «грандиозных политических забастовок» апреля — мая 1912 г. называл их не только поворотным пунктом в российском рабочем движении, но также и началом ликвидации третьеиюньского режима. Дан одобрительно цитировал наблюдение корреспондента газеты «Речь» (от 11 мая 1912 г.), что рабочие теперь противопоставляют себя остальному обществу и что движение рабочего класса в целом носит «намного более четко выраженный классовый характер», чем в 1905 г. Это, по словам Дана, было только отражением растущей зрелости и организованности пролетариата и указанием на успешную работу, которую провели меньшевистские «ликвидаторы» в течение нескольких лет реакции. Кроме того, «Речь» сознательно умалчивает об оборотной стороне медали. Если рабочие теперь противопоставляли себя обществу, то и общество теперь противопоставляло себя рабочим.

«Возросшей классовой зрелости пролетариата соответствует и возросшая классовая зрелость буржуазных кругов. И то “сочувствие”, которым теперь до известной степени окружено рабочее движение, имеет мало общего с тем туманным романтическим сочувствием, которое заставляло в 1905 г. “Освобождение” восклицать: “Какая прелесть рабочие!”, а г. Струве торжественно заявлять: “У нас нет врагов слева” <...> Пролетариат бесповоротно перестал быть прелестью для буржуазного общества, и сочувствие этого общества, которое ограничено именно теми пределами, в которых пролетарское движение является необходимым фактором его собственного освобождения»¹⁵.

В этом отрывке Дан одобрительно описывает то, что в действительности стало одним из определяющих факторов в развитии нового подъема рабочего движения — разрыв очень тонкой и хрупкой психологической связи, которая была с такими трудностями налажена между рабочими и оппозиционными кругами образованного общества за десять лет приготовления к революции 1905 г. Но если сначала меньшевики склонялись к тому, что эта взаимная конфронтация рабочих и общества является указателем на растущую классовую сознательность обоих, то вскоре им пришлось изменить свою точку зрения.

Первые сигналы тревоги прозвучали через несколько месяцев, осенью 1912 г., в связи с результатами выборов в четвертую Думу. В этих выборах, как настойчиво подчеркивает Ленин и его последователи, кандидаты от партии большевиков победили в 6 из 9 фабричных округов по рабочей курии в России, включая все 6 округов в основных промышленных губерниях. В опубликованных комментариях касательно результатов выборов лидеры меньшевиков отмечают (чаще всего вполне точно) основные ошибки, допущенные большевиками в требовании полной победы¹⁶, но в

¹⁵ Дан Ф. Политическое обозрение: после «Лени» // Наша заря. 1912. № 5. С. 66.

¹⁶ Большевистский кандидат в Петербурге Бадаев победил, как они объяснили, благодаря голосам, которые он получил на самой последней стадии выборов от антисемитски настроенных выборщиков-октябристов (меньшевистский кандидат по петербургской рабочей курии был евреем); большевистский депутат Петровский (в Екатеринославской губернии) и Муранов (в Харьковской губернии) выставили избирательные

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

своей личной корреспонденции они с большей готовностью допускают, что, несмотря на смягчающие обстоятельства, результаты выборов в рабочую курию оказались явно неудачными. Мартов замечает в письме к Потресову: «Поражение меньшевиков на выборах в рабочую курию (частично компенсированное их моральной победой в Петербурге) еще раз показало, что меньшевики слишком поздно осознали новую угрозу ленинизма и переоценили значение его временного исчезновения»¹⁷.

Преобразования в рабочей среде в 1913 г., и в особенности в течение первого полугодия 1914 г., полностью подтверждают оценку результатов этих выборов, данную Мартовым. Эти полтора года характеризуются не только устойчивым ростом бунтарского духа и революционными взрывными забастовками, особенно в столице. Они также были отмечены усилением ответной реакции части аморфных и в большинстве анонимных комитетов, ответственных за забастовки и за рядовых рабочих, на безрассудную тактику большевиков и их еще не урезанные лозунги «демократической республики», «восьмичасового рабочего дня» и «конфискации помещичьих земель». В эти годы меньшевики также теряли контроль над открытыми рабочими организациями, которого они с таким трудом добились. С весны и лета 1913 г., когда большевики, учитывая резолюции Краковской и Поронинской конференций, начали сосредоточивать свои силы на завоевании открытых рабочих организаций, страницы меньшевистской прессы и личная корреспонденция меньшевиков были наполнены меланхолическими известиями о том, как даже меньшевистски настроенная рабочая интеллигенция, за которой когда-то угадывалось будущее, теряла одну позицию за другой. Отметим несколько основных вех.

В конце августа 1913 г. меньшевики были изгнаны большевистскими оппонентами из руководства сильнейшего профсоюза в Петербурге — Союза металлистов. В январе 1914 г. меньшевики как инициаторы движения за страхование рабочих проглотили еще более горькую пилюлю: большевики победили с решающим перевесом голосов и взяли в свои руки контроль над рабочим представительством во Всероссийском страховом совете и в столичном страховом присутствии. В конце апреля 1914 г. еще более неожиданным стало известие о том, что меньшевики могут рассчитывать на поддержку лишь половины членов переизбранного руководящего совета такого традиционного оплота меньшевизма в петербургском рабочем движении, как Союз печатников. В июле 1914 г., когда большевики передали в Бюро Социалистического интернационала свои требования быть единственными подлинными пред-

платформы, в действительности подготовленные меньшевиками; и даже такой каменный большевик, как московский депутат Малиновский, был избран при поддержке меньшевиков. Такая меньшевистская интерпретация выборов в четвертую Думу изложена в статьях Л. Мартова «Выборные заметки» и М. Оскарова «Итоги выборов по рабочей курии» (Наша заря. 1912. № 9/10) и особенно Л. Мартова «Раскол в социал-демократической фракции» (Наша заря. 1913. № 10/11). Чтобы сравнить с большевистской интерпретацией, см.: Ильин В. Итоги выборов // Просвещение. 1913. № 1 (январь) (Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 462—485); Материалы к вопросу о борьбе внутри с.-д. думской фракции // За правду. 1913. 29 октября. № 29 (Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 19. С. 414—429).

¹⁷ Если какую-либо консолидацию и можно было найти, добавил Мартов, то она могла быть обнаружена на выборах по первой и второй городским куриям, которая раскрыла, как и предсказали меньшевики, важный сдвиг либеральной части общества влево. Однако этот сдвиг оказался настолько звучным в губернских городах, что Мартов представил его как обещание в перспективе разделить кадетскую партию на «буржуазную» и «радикально-разночинную» части (Ю. О. Мартов — А. Н. Потресову 11 ноября 1912 г. (письмо № 178, копия) // НА. 57. Series 19. № 2. Л. 521).

ставителями рабочего класса в России, они заявили о своем обладании 14 из 18 руководящих постов профсоюзов в Петербурге и 10 из 13 — в Москве¹⁸.

Безусловно, ситуация для меньшевиков в обеих столицах выглядела весьма мрачной, а положение большевиков казалось куда более светлым, чем где-либо в стране. Но даже с этой оговоркой позиция меньшевиков давала им мало оснований для удовлетворения. В сентябре 1913 г., после получения известия о победе большевиков на выборах в Союз металлистов, Мартов предвидел дальнейшие несчастья, которые вероятнее всего произойдут по вине меньшевиков.

«Удручен историей с “Союзом металлистов”, которая обнаруживает, еще большую, чем мы привыкли думать, нашу слабость», — пишет он Потресову. «Весьма вероятно, что наши позиции в Петербурге в этом “сезоне” будут еще более оттеснены назад. Но не это скверно. Хуже всего то, что “меньшевизм” как-то не может сдвинуться с мертвой точки в организационном отношении и несмотря на газету [меньшевистский “Луч”, издаваемый в конце 1912 г. в Петербурге], несмотря на все, сделанное за два года, остается слабеньким кружком»¹⁹.

И на встрече фракции меньшевиков в Думе в конце января 1914 г. депутат из Грузии Чхенкели заметил в том же беспросветном отчаянии, что меньшевики близки к тому, чтобы потерять свое влияние, все свои связи с рабочими.

Горестными и наиболее безнадежными изо всех были жалобы меньшевистских профсоюзных деятелей, их представителей из проигравшей теперь рабочей интеллигенции. В марте 1914 г. Федор Булкин, один из меньшевистских практиков, вытесненный из руководства Союза металлистов за полгода до этого, отмечает на страницах «Нашей зари»:

«Масса, только что вступившая в профессиональные союзы, неспособна оценить их огромное значение для пролетарского движения. <...> Руководимая большевиками, она проваливала ликвидаторов, ценных работников, во все руководящие учреждения. <...> Опытные кормчие рабочего движения сменялись неопытными, но близкими по духу и настроению массе <...> Пока же “ликвидаторы” терпят, и вероятно, еще будут терпеть поражения. Большевизм — интеллигентский, узко фракционный, заговорщицко-якобинский нашел себе поддержку в настроении широких слоев рабочих»²⁰.

В заключение этого высказывания Булкин повторяет тезис (который он уже разъяснил в предыдущей статье) о том, что победы большевиков могут быть объяснены силой, с которой социал-демократическая интеллигенция — с ее узким догматизмом, нетерпимостью, фракционным духом — продолжала еще владеть умами рабо-

¹⁸ Для детального представления большевистского требования поддержать рабочий класс в канун войны см.: «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении» (Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 355–360) и «Доклад ЦК РСДРП и инструктивные указания делегации ЦК на брюссельском совещании» (Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 463–502). Мое изучение соответствующей меньшевистской прессы позволяет предположить, что отдельные статистические данные, приводимые в этих двух сочинениях, *хотя и не были сделаны на основании их*, но оказались не сильно преувеличены.

¹⁹ Ю.О. Мартов — А.Н. Потресову 15 сентября 1913 г. (письмо № 188, копия) // НА. 57. Series 19. № 2. Л. 545. Это было последнее письмо в их корреспонденции за предвоенный период (как было замечено выше, Мартов вернулся в Петербург вскоре после амнистии).

²⁰ Булкин Ф. Раскол фракции и задачи рабочих // Наша зоря. 1914. № 6. С. 49.

чих. Как только пролетариат освободится от разрушительного влияния интеллигенции и утвердит свой собственный независимый дух, свое собственное самосознание, сила большевиков развеется как дым²¹.

Естественно, редакторы «Нашей зари» не могли оставить этот аргумент, отдающий старой «экономической» ересью, без ответа. Мартов, в котором пробудился старый дух искровца, в этом же номере журнала написал проникновенный ответ. Булкину было легко утверждать, что большевизм утвердился под влиянием интеллигенции, паразитирующей на злополучном рабочем классе. Даже если он имел какое-либо влияние в прошлом, этот аргумент устарел на 10 лет. Где была большевистская интеллигенция, которая, по общему мнению, все еще «стояла на плечах пролетариата»? Ее уже просто не существовало. Все основные фигуры большевистской интеллигенции — Богданов, Луначарский, Рожков, Покровский, Базаров и многие другие — оставили ленинизм. Осталась лишь «кучка людей в буквальном смысле слова без имени или с именами, не удобно называемыми»²².

Если причина этого была не в пагубном влиянии интеллигенции, где же тогда искать источник новых настроений в рабочем движении? Большевики объясняли это просто: новые настроения рабочих были отражением растущей сознательности успешного повзрослеть российского потомственного пролетариата, который оправился после поражения 1905 г., закалился в годы реакции и сплотился под руководством большевистской партии. Нужно ли говорить, что в глазах меньшевиков такое объяснение не выдерживало никакой критики. И действительно, из меньшевистской литературы того времени видно, что они искали и находили совершенно противоположный по смыслу ответ: массы рабочих, в изобилии пополнившие новое рабочее движение во время нового промышленного подъема, а также участники новой взрывоопасной волны забастовок, в большинстве своем уже не были тем классово-сознательным, зрелым пролетариатом, каким он предстал в 1905 г. Некоторые из наиболее ярких представителей меньшевизма (Мартов, Левитский, Горев, Шер) особое внимание уделили тому, какое воздействие в социальном и политическом плане оказал приток двух новых слоев в промышленный рабочий класс²³.

Первым из этих двух слоев было младшее поколение городского рабочего класса — городская молодежь, достигшая трудового возраста после революции 1905 года. Не имея опыта революционной борьбы, она не знала и горечи поражений; не участвуя в профсоюзном движении и других рабочих организациях в годы реакции, она не испытала и их здорового влияния. Именно эта молодежь, «горячая и импульсивная», «не закаленная в классовой борьбе», служила в это время средним звеном между лидерами партии большевиков и трудовыми массами. Они в основном работали корреспондентами и распространителями большевистских газет, подстрекали рабочих на принятие резолюций и петиций в поддержку большевистских позиций и со-

²¹ В качестве первого и наиболее радикального представления Булкиным этих тезисов см. его статью «Рабочая самостоятельность и рабочая демагогия» (Наша заря. 1914. № 3. С. 55—64).

²² Л.М. Ответ Булкину // Наша заря. 1914. № 3. С. 67.

²³ В качестве подобного меньшевистского анализа новых тенденций в рабочем движении в период, непосредственно предшествующий войне, см.: Ракитин Г. (Левицкий) Рабочая масса и рабочая интеллигенция // Наша заря. 1913. № 9; Л.М. Ответ Булкину // Там же; Горев В.И. Демагогия или марксизм? (итоги и наблюдения) // Наша заря. 1914. № 6. С. 30—41; и особенно В.Ш. Наше профессиональное движение за последние два года // Борьба. 1914. № 1—4.

ставляли костяк аморфных спонтанных забастовочных комитетов, которые осуществляли такое руководство, какое все еще было характерно для стихийной волны забастовок. Совсем недавно, весной и летом 1913 г., именно эти желторотые юнцы стали переходить из забастовочных комитетов в открытые профсоюзы, захватив власть у старшего поколения меньшевистских профсоюзных деятелей. «Здесь, — записал один наблюдатель, — впервые встретились представители разных периодов, разных навыков, разной, так сказать, практической школы, эти две силы рабочих, “молодежь” и “старики”». Захват власти «молодежью», очень быстрый, для многих неожиданный, прошел в обстановке отцеубийственного конфликта²⁴.

Конечно, кадры нового поколения городского потомственного рабочего класса стали бы лидерами без последователей, если бы трудовые ряды не пополнились за счет притока второго, более массового, нового слоя. Это были наемные рабочие, обычно неквалифицированные, которые с 1910 г. — начала нового промышленного подъема и поворотного момента столыпинской аграрной реформы — стали стекаться из деревень в городскую рабочую армию. Именно эти тысячи и тысячи бывших крестьян, абсолютно не приспособленных к новым для них фабричным условиям, «движимые скорее инстинктами и чувствами, нежели сознательностью и расчетом», придали массовому движению «неорганизованный, примитивный, стихийный характер», как заметил младший брат Мартова Левитский. Естественно, что эти «несознательные» массы оказались наиболее восприимчивы к экстремистским целям и тактике, которых придерживались большевики: к их требованиям «фундаментальных», а не «частичных» реформ, к их готовности поддерживать любые забастовки, независимо от целей и организованности. И прежде всего, большевистские «еще не урезанные» лозунги восьмичасового рабочего дня, «полной демократизации», «конфискации помещичьих земель», и основная мысль, проходящая через все эти призывы к великому союзу рабочих и крестьян, противостоящему всему остальному обществу, «от Пуришкевича до Милюкова», были рассчитаны на широкий отклик среди этих новых элементов рабочего класса, к растущему негодованию которых, вызванному фабричной жизнью, присоединялись все еще памятное недовольство и надежда, вынесенные ими из деревни²⁵.

Действительно, в первые месяцы 1914 г. приток массы бывших крестьян в города привел не только к поразительному упрочению положения большевиков, но также к еще относительно скромному и в то же время заметному возрождению среди рабочих левопопулистских настроений. Комментируя возрождение левого популизма, который теперь угрожал заменить меньшевизм как оппозицию большевикам, Мартов подчеркнул в ряде статей «помесь анархистских и синдикалистских направлений с остатками крестьянских убеждений и утопий», которые, как казалось, вдохновляли сторонников левопопулистских лозунгов. Эти рабочие физически могли покинуть деревню, как он заметил, но они ни в коем случае не прервали психологической связи с ней: «сталкиваясь с трудностями и мраком городской жизни, они сохраняют мечту вернуть участок земли с собственной коровой и цыплятами <...> и они отзываются на призывы тех, кто обещает воплотить их мечту»²⁶.

²⁴ В.Ш. Наше профсоюзное движение за два последних года // Борьба. 1914. № 3. С. 17.

²⁵ Ракитин Г. Рабочая масса // Наша заря. 1913. № 9. С. 54.

²⁶ Л.М. Народники в петербургском рабочем движении // Северная рабочая газета. 1914. 5 марта. № 21. С. 2, 8 марта. № 24. С. 2; Л.М. Лево-народники в петербургском рабочем движении // Северная рабочая газета. 1914. 13 марта. № 28. С. 1.

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

До какой степени можно подтвердить статистическими выкладками значение, которое более проникательные меньшевистские исследователи рабочей среды придавали той роли, которую играло в промышленных волнениях этого периода более молодое поколение городских промышленных рабочих и выходцев из деревни? Мы, конечно, знаем, что растущая взрывная волна забастовок соответствовала тому промышленному подъему, благодаря которому численность российской рабочей силы выросла с 1 793 000 в январе 1910 г. до 2 400 000 человек в июле 1914 г., т. е. более чем на 30 %. Очевидно, что такое резкое и неожиданное увеличение рабочей силы на городском рынке труда могло быть достигнуто только в том случае, если к новому поколению наемных городских рабочих присоединились массы безземельных и малоземельных крестьян, освобожденных от своих земельных повинностей столыпинскими законами — особенно временными мерами 1910—1911 гг. Литература этого периода заполнена сообщениями о притоке масс этих неподготовленных наемников в промышленную армию. Но позволим себе провести анализ и сосредоточить свое внимание на тех секторах российской рабочей силы, которые, похоже, возглавили стачечное движение того времени. А в особенности, на тех забастовках, которые несли политический характер. Легко можно определить два подобных сектора. Первый может быть выделен географически: это рабочая сила губернии, и в частности — Петербурга и пригородов, которая в первую половину 1914 г. дала почти 50 % от общего количества стачечников в стране (1 254 000 человек) и почти две трети из 982 000 забастовщиков, считавшихся политическими. Во-вторых, при сравнении забастовочной статистики по различным отраслям (и по регионам), станет ясно, что наибольшее количество забастовщиков, и особенно политических, как в Петербурге, так и по стране в целом, следует искать среди рабочих-металлистов.

Важно, что оба этих сектора рабочей силы, которые мы выделили из-за их исключительной революционной взрывоопасности, за годы нового промышленного подъема прошли наибольший путь развития по сравнению с остальной российской рабочей силой: их рост составил 50 % против менее 30 % в среднем по России. Если учесть еще и необходимость восстановления и прироста рабочей силы, можно предположить, что к 1914 г. более половины рабочих в Петербурге, так же как и в металлической промышленности по стране в целом, в лучшем случае получили очень небольшой опыт работы. Как уже было отмечено, что хотя некоторые из вновь нанятых рабочих принадлежали к прослойке городской молодежи, достигшей рабочего возраста в течение последних лет, большинство все же были выходцами из деревни. В связи с этим уместно следующее замечание: с начала века имела место тенденция привлечения наемных рабочих из деревни в Петербург. По мере истощения свободной рабочей силы в окрестностях Петербурга и других губерниях, где были более или менее развиты производство и ремесла, возникла необходимость привлечения в столицу все большего количества рабочих из чисто сельскохозяйственных перенаселенных центральных губерний Европейской России²⁷ — тех самых губерний, где распад общинного землепользования, достигнутый чаще всего с помощью невыносимого административного и экономического давления, был особенно тяжелым и болезненным²⁸.

²⁷ См.: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 438—439.

²⁸ Как заметил Г. Робинсон, столыпинские законы давали реальную возможность домовладельцам в передельных общинах получить при некоторых условиях «постоянный и более или менее единый надел вопреки единодушному противодействию сельского схода». Подобные условия распространялись на те передельные общины, которые были преобразованы в наследственные владения с помощью закона 1910 г. о разрушении общины. См.: *Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime*. N. Y., 1932. P. 219, 305, note 28.

У широких масс рабочих негодование по поводу болезненных и дезориентирующих условий нового промышленного опыта сочеталось со все еще свежей обидой на обстоятельства, оторвавшие их от жизни в деревне. Новое поколение молодых рабочих городского происхождения, которые должны были ими руководить, — это нетерпеливые романтики, отзывчивые на максималистские призывы. Наша загадка могла бы быть решена, если бы не один смущающий факт. Те же самые условия, описанные мной столь пространно, за исключением, пожалуй, относящимся к небольшой доле молодых рабочих городского происхождения, создались и в других районах и отраслях российской промышленности. Тем не менее там рабочие были менее охвачены волнениями, по сравнению с теми, что выделялись по духу бунтарства, корни которого мы ищем. Вероятно, такие условия существовали, например, в Донбассе в той же мере, что и в Петербурге, а в химической промышленности — в той же мере, что и в металлообработке. Поэтому мы по необходимости обязаны выделять дополнительный элемент, который по очевидным причинам вообще отсутствовал в большинстве меньшевистских аналитических работ того времени: роль, отводимая большевистским партийным кадрам, как рабочим, так и интеллигенции. Если среди петербургских рабочих существовала большая революционная взрывоопасность и они горячее откликались на большевистские воззвания, чем рабочие Донбасса, это, несомненно, объясняется отчасти тем, что петербургские рабочие подвергались более интенсивной большевистской пропаганде и агитации. Таким же образом, то, что рабочие-металлисты проявляли большую политическую активность, чем рабочие других отраслей, отчасти объяснялось тем, что в этой отрасли существовало особое сочетание квалифицированных и неквалифицированных рабочих, опытных и неопытных. Рабочие старшего поколения с большим опытом передавали молодым и неопытным революционные, в особенности большевистские, идеи, воспринятые за долгие годы пропаганды. Не случайно так много значительных фигур в большевистских партийных кадрах — Ворошилов, Калинин, Киселев, Шотман были рабочими-металлистами со значительным стажем.

Это не означает, что в те годы кадры большевистской партии, особенно в подпольных организациях, хоть чем-то походили на те образы, которые были в ходу у некоторых советских историков. Пронизанные сверху донизу агентами секретной полиции (не меньше трех из семи членов петербургского городского комитета партии в июле 1914 г. получали жалованье в охранке²⁹), они испытывали серьезные трудности в пополнении рядов, периодически истощаемых арестами: с января по июль 1914 г., подобные аресты происходили в петербургском городском комитете партии не менее пяти раз.

Но даже при таких условиях большевистский партийный аппарат ухитрялся выживать, сохранять некоторых старых членов и привлекать новых: молодых рабочих и более старших — с опытом участия в революционном подполье, многие из которых покинули партию в годы реакции, но сейчас возвращались в ее лоно. Это были как выжившие представители старшего поколения большевистской интеллигенции, так и свежие новобранцы из молодых интеллигентов, которых в силу характера или неблагоприятных материальных обстоятельств теперь привлекали максималистские призывы большевиков. Таких новичков было немного, и они не выражали настрое-

²⁹ Петербургский городской комитет партии состоял в то время из следующих членов: Шмидт, Федоров, Антипов, Шурканов, Игнатъев, Сесицкий и Ионов. Из них Шурканов, Игнатъев и Сесицкий были агентами охранки. Подробнее см.: *Киселев А.* В июле 1914 года // Пролетарская революция. 1924. № 7 (30).

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

ния интеллигенции в целом. Действительно, многие из них находились под влиянием ненависти и терзаний иного свойства — как определил Бердяев, — терзаний нового воплощения разночинцев 1860-х г., чьим отличительным качеством, казалось, был не только гнев по поводу предательства революционного движения «оппортунистским» большинством интеллигенции, но и острое чувство социального антагонизма: между младшим и старшим, более устроенным поколением и между обездоленными и преуспевающими членами общества³⁰.

И вот вся сила этого гнева и терзаний теперь задела нужную струну в рабочих массах. На фоне такого совпадения настроений и еще более близкого совпадения образа государства и общества, предложенного большевиками, с инстинктивными представлениями рабочих масс большевистская партия могла уже играть роль настоящего катализатора. Они сумели, как мы увидели, изгнать меньшевистских «ликвидаторов» из существовавших открытых рабочих организаций. Они трансформировали эти организации во «фронты», через которые они завлекли, а то и подчинили молодых рабочих, возглавлявших петербургское стачечное движение. На страницах «Правды», через устные призывы своих депутатов в Думе, используя листовки и силу слова, им удалось возбудить и использовать ожесточение рабочих. Таким образом, будет справедливо сказать, что к началу войны большевистский центр в Петербурге и, особенно, его открытые организации разрослись до такой степени, что пусть пока несмело, но уже начали проникать во многие сферы жизни рабочего класса.

В январе 1914 г. в своем ответе Булкину, который мы уже цитировали, меньшевистский лидер Мартов, отвергая довод, что все трудности ликвидаторов происходят от постоянного влияния отдельных интеллигентов с их проклятой сектантской психологией на все рабочее движение, мрачно отметил соответствие большевистской призывов состоянию духа рабочих. Угроза большевизма, как он доказывает, заключается не в той горстке интеллигентов и полуинтеллигентов, которых ленинцы, тем не менее, сумели привлечь на свою сторону, а скорее в том отклике, который они вызвали, и в тех корнях, которые они сумел пустить среди самих рабочих. Против кого бастовали рабочие в порыве бунтарства? Не дожидаясь ответа, Мартов сам пишет: против ликвидаторов, против того самого здания открытой партии европейского типа, воздвигнутого с 1907 по 1911 г. теми самыми пролетариями, которые были проникнуты духом настоящего марксизма, — по существу, против собственной интеллигенции и товарища Булкина в том числе. И если рабочие так поступали под руководством люмпенских кружков «правдивов», заключает Мартов, так это потому, что из всех групп, занимающихся демагогией в российском обществе, эта, по крайней мере в то время, наилучшим образом соответствовала настроению рабочих³¹.

Позволив себе обобщить мою собственную точку зрения, и в некоторой степени точку зрения Мартова, я бы сказал, что к 1914 г. явственно проступил опасный процесс поляризации, имевшей место в главных городских центрах России, между **обществом**, которое теперь вновь приняло в свои ряды огромное большинство ранее исключенных представителей интеллигенции (и которое даже начинало привлекать в свои ряды многих представителей собственно рабочей интеллигенции) и растущим числом недовольных и оппозиционно настроенных промышленных рабочих,

³⁰ Вероятно, в этой связи большая часть «второго поколения» большевистской фракции партии была укомплектована из тех, кто учился экстерном и не был достаточно подготовлен или не имел средств, чтобы быть зачисленным в гимназию или высшее учебное заведение на постоянной основе.

³¹ Л.М. Ответ Булкину // Наша заря. 1913. № 9.

которые теперь подвергались неограниченному влиянию призывов озлобленного революционно настроенного меньшинства.

Отсюда не следует, что к началу войны партия большевиков сумела приобрести надежного массового союзника среди рабочего класса. Первый год войны продемонстрирует с предельной ясностью, насколько хрупкими окажутся ее связи с якобы сознательным российским пролетариатом. Действительно, стоит повторить, что политическая угроза большевизма в 1914 г. коренилась в основном не в прочности его организаций и не в успешности его попыток идеологического воспитания, а в стихийном мятежном настроении самих рабочих. То, что даже Ленин остро осознавал это, прослеживается в докладе охранки о его указаниях большевистскому депутату Петровскому в апреле 1914 г.

Определяя положение дела к настоящему моменту, Ленин высказался так:

«Наша победа, т. е. победа революционного марксизма, велика. Пресса, страховая компания, профессиональные союзы и просветительные общества — все это наше. Но победа эта имеет свой предел <...> Если мы хотим удержать позиции и не дать усиливающемуся рабочему движению выйти из-под ферулы партии и удариться в анархическое, раздробленное движение, на что имеются некоторые показания, мы должны усилить во что бы то ни стало подпольные организации. Можно отказаться от доли работы в Государственной думе, которую так успешно вели до сих пор, но необходимо наладить подпольную деятельность вне Думы»³².

Таким образом, за два с половиной месяца до начала войны Ленин уже обнаружил главную непосредственную угрозу существования его партии не «справа», а «слева» из-за возможности преждевременных, разрозненных революционных мятежей российского рабочего класса.

Элементы силы и немощи в большевистском руководстве рабочим движением накануне войны и относительность значения этого движения как революционной силы отчетливо видны на контрасте между всеобщей забастовкой, которая вспыхнула в рабочих районах Петербурга в начале июля 1914 г., и природой взаимного противостояния рабочих и образованного общества, которое ознаменовало пик революции 1905 г. На предшествующем историческом этапе — в сентябре и октябре 1905 г. — рабочие Петербурга и Москвы, пусть на короткое время, объединились с русским образованным и привилегированным обществом. Собираясь в своих унылых фабричных районах, они толпами сходились к самому сердцу обеих столиц, чтобы принять участие в общественных демонстрациях, выкрикивать свои лозунги, слушать в амфитеатрах университетов и институтов страстные речи юных интеллигентов-агитаторов. Все это явилось фоном устрашающего зрелища — всеобщих забастовок, которые парализовали Петербург и другие города Европейской России в течение октября, вынуждая испуганное самодержавие склониться под их напором.

Вызванная протестом против зверского подавления отрядами полиции митинга путиловских рабочих в отдаленных рабочих кварталах Петербурга, созданного в поддержку стачки бакинских нефтяников, в июле 1914 г. разразилась такая массовая и неуправляемая забастовка, какой не было даже в 1905 г. (Призыв к такой всеобщей забастовке был издан Петербургским комитетом партии большевиков вечером 3 июля.) 7 июля, через 3 дня после начала забастовки, в Петербург с государственным визитом прибыл Пуанкаре, для того чтобы подчеркнуть прочность францужско-русского альянса против центральных держав. К этому времени, согласно официальным оцен-

³² Агентурные сведения начальника московского охранного отделения А. Мартынова // Исторический архив. 1958. № 6. С. 11.

кам, более 110 тыс. рабочих принимали участие в забастовках. Почти все фабрики и коммерческие учреждения в рабочих районах были закрыты и многие тысячи рабочих вели ожесточенные бои с казаками и отрядами полиции. Новости относительно усугубляющегося международного кризиса и отчеты о визите Пуанкаре вытеснили репортажи о рабочих беспорядках с первых страниц газет. Но даже в течение двух дней пребывания Пуанкаре читатели могли узнать из внутренних колонок о том, что рабочие участвовали в демонстрации в фабричных районах, бросали камни в полицию, а та в ответ открывала по ним огонь; рабочие валили телефонные и телеграфные столбы, нападали на трамваи, забрасывали камнями пассажиров, выдирали приборы управления, и в некоторых случаях даже снимали трамваи с рельсов и использовали их в строительстве баррикад³³. За те же самые два дня визита Пуанкаре отдельные толпы рабочих, размахивая красными флагами и распевая революционные песни, стремились пробить себе дорогу из фабричных районов в центр столицы. Но казаки и хорошо оснащенная полиция блокировали их как перед мостами через Неву, так и на Петербургской стороне, поэтому сердце столицы в основном оставалось спокойным.

К утру 9 июля петербургский комитет партии большевиков, чувствуя, что забастовка обречена «из-за недостаточности партийной организации» и «нехватки оружия», решил призвать петербургский пролетариат вернуться к работе. Но вскоре обнаружилось, что он не может контролировать забастовочное движение. Согласно сообщениям полиции, рабочие «пришли в исступление» и даже «не желают слушать» тех ораторов, которые призывают их прекратить забастовку. Если у забастовки и было какое-то руководство, то теперь оно перешло в молодые и нетерпеливые руки. Ночью 9 июля на митинге, проведенном в обществе «Наука и жизнь» (одном из обществ культурного просвещения столицы), группа противников линии, принятой петербургским партийным комитетом, которая описана в полицейских докладах как «зеленая и незрелая молодежь» (многим из них было чуть больше двадцати), приняла резолюцию, в которой утверждалось, что «текущие уличные беспорядки показали, что пролетариат перешел к активной и спонтанной борьбе» и «не собирается подчиняться в будущем каким бы то ни было директивам». «Надо обязательно и без промедления помочь пролетариату окончательно организовать, — заключали молодые партийцы, — принять призыв к вооруженному восстанию, и для этого немедленно напечатать листовки и обращения с соответствующим содержанием». Повстанцы из большевиков так и не смогли размножить такой подстрекательский манифест до 12 июля: забастовка уже выдохлась, а вконец отчаявшийся партийный комитет распространял листовки противоположного содержания, в которых забастовщиков призывали вернуться к работе³⁴. Тем временем, вопреки все более усиливающемуся вмешательству казаков и полицейских отрядов и несмотря на то, что 11 июля на рабочие районы столицы была брошена вся кавалерия Царского

³³ Русские ведомости 1914. 8 июля. С. 3; Новое время. 1914. 8 июля. С. 5; Речь. 1914. 8 июля. С. 3. Петербургские газеты не выходили между 9 и 11 июля 1914 г. из-за забастовки типографских рабочих.

³⁴ Этот неграмотно написанный призыв заслуживает подробного цитирования, потому что ярко выражает повстанческие настроения, которые были поддержаны на этой стадии забастовки призывами большевиков: «Товарищи! Правительство во главе с капиталистами объявило не на шутку беспощадную войну трудящемуся населению; везде, как в политических, так и в экономических стачках, появлялись кровожадные полицейские герои. Они производят безнаказанно насилия, производят массовые аресты, порой стреляя, закрывая профессиональные, а также культурно-просветительные организации. Но и это им не помогает. С каждым днём растут как грибы в России тюрьмы, с каждым днём газеты пестрят о высылках в самые глухие места

Села, пошатнувшееся забастовочное движение двинулось вперед, в атмосфере все ужесточающегося конфликта и отчаяния.

В двухстраничном обзоре забастовки, опубликованном 12 июля, репортеры «Речи», которых послали в фабричные районы, описали несколько случаев, которые были засвидетельствованы в течение предшествующих трех дней. Самые большие столкновения, сообщали они, произошли ночью 9 июля и продолжались в течение всего дня. Тысячи рабочих столкнулись тогда с полицией, то отбиваясь дубинками, то осыпая ее градом камней из-за импровизированных баррикад. Женщины и дети принимали участие в строительстве этих баррикад, которые сооружались из телефонных и телеграфных столбов, перевернутых вагонов, ящиков и арматуры. Если демонстрация рассредоточивалась или разрушалась баррикада, рабочие эвакуировали раненых, перегруппировывались и столкновения продолжались снова. Газовые и керосиновые фонари были разбиты, и целые районы оставались без света. Большинство коммерческих учреждений были закрыты, особенно винные магазины и трактиры. Их рабочие закрыли сами, чтобы таким образом поддержать и продемонстрировать дисциплину в своих рядах. К вечеру 12 июля пик выступлений спал, лишь армия и полицейские отряды со штыками наперевес патрулировали пустынные улицы. Один из репортеров «Речи» отметил эти сцены (ничего подобного, как он писал, он не видел с 1905 г.) и описал общую картину разорения: разбитые уличные фонари, перевернутые телеграфные столбы, брошенные баррикады, пустые и опрокинутые трамваи, закрытые фабрики и лавки. А «на Петербургской стороне обычное движение и обычная жизнь, и трамваи ходят как всегда»³⁵. Только к 15 июля, за 4 дня до начала войны, привычный порядок в фабричных районах был восстановлен.

II

Четырехдневный интервал между последним вздохом петербургской забастовки и началом войны не позволяет целиком отбросить тезис советских историков, что превращению забастовочного движения в июле 1914 г. в решительное наступление против самодержавия помешало только начало войны: после всего можно было утверждать, что еще до ее возникновения революционная волна была остановлена

наших товарищей! Везде и всюду видим, что стачки приобретают колоссальные размеры. Крестьяне не платят оброки, вырубают казенные и помещичьи леса, жгут усадьбы; солдаты не принимают присягу, грубят своему начальству, читают вредные газеты. Правительство дрогнуло, беспокоясь, потому что кругом их растет не по дням, а по часам трудовая армия и тоже готовится к решительному сражению со своим вековым врагом. Но напрасны ваши усилия удержать народ в цепях, вы только лишний раз доказываете, что вы бессильны и, увеличивая насилия народу, тем глубже роете себе яму. Напрасно вы, кровожадное племя, ополчились против трудовой массы. Правительство борется штыками, капиталисты — деньгами, а духовенство — проповедями, но народ это учитывает, сказкам больше не верит, а в ответ заявляет вам весь трудовой класс, насадителям полицейской расправы, — что ваша песня спета! Мы накануне великих событий, не сегодня — завтра ваши роскошные дворцы будут превращены в народные клубы и союзы... Фабрики и заводы будут производить труд только для трудящихся. Тюрьмы будут переполнены вами... Леса, луга, пашни, все у вас уплывет в руки тех, кого вы унижали. Товарищи! Прислушайтесь и готовьтесь ко всему. Ждать и терпеть — эти слова прочь! Наш клич — да здравствует беспощадная борьба с царским правительством и с капиталистами! Долой капитал! Товарищи, готовьтесь! Да здравствует социализм! Д.К. Л.Б.». Впервые этот документ был напечатан в «Памятниках агитационной литературы РСДРП» (Т. VI. Вып. 1. Пг.; М., 1923. С. 79). Он перепечатан в статье: Июльские волнения 1914 г. в Петрограде // Пролетарская революция. 1924. № 8–9 (31–32). С. 318.

³⁵ Рабочее движение в Петербурге. За три дня // Речь. 1914. 12 июля. С. 5.

быстро разгоравшимся международным кризисом. Но, конечно же, это утверждение ничто по сравнению с теми двумя причинами политического бессилия, которое с самого начала стало очевидным благодаря забастовке, — бессилия, которое вынудило ее большевистских руководителей попытаться остановить забастовку по меньшей мере за пять дней до того, как она наконец сама утонула.

Одной из причин этого бессилия были неудачные столкновения в Петербурге, в том смысле, что они не смогли перейти во всенародную политическую стачку, в которой даже большевистские лидеры видели (может быть, преувеличивая) необходимое условие вооруженного похода против самодержавия. Поражение петербургской забастовки вызвало волну забастовок и демонстраций солидарности в других промышленных центрах: в Москве и Варшаве, Ревеле и Риге, Киеве и Одессе и даже в Тифлисе. Но нигде, даже в Варшаве и Москве, эти забастовки по массовости и революционной мощи не могли сравниться с тем, что происходило в Петербурге.

Но была и другая причина, еще более веская: неспособность питерских рабочих вовремя мобилизовать активную поддержку среди других групп в обществе. Можно с уверенностью говорить, что к 12—14 июля разгневанные передовые статьи стали появляться не только в таких либеральных органах печати, как *«Речь»* и *«Русские ведомости»*, но даже и в консервативных изданиях вроде *«Нового времени»*. В этих статьях содержались обвинения в адрес правительства за запоздалое объявление чрезвычайного положения, осуждалась политика государства в отношении рабочих, которая лишь еще больше подогревает *«чудовищный гнев и отчаяние»* рабочих, и отстаивалась точка зрения, что только полная легализация открытых рабочих организаций может восстановить спокойствие внутри государства. Но отчасти, возможно, из-за разгоравшегося международного кризиса это был единственный случай, когда образованное общество так четко выразило свою обеспокоенность. Не было ни демонстраций, ни народных митингов, ни коллективных петиций, ни выражения единения, которые хоть отдаленно можно было бы сравнить с теми, которые были вызваны *«кровавым воскресеньем»*. Таким образом, подводя итог, можно сказать, что основной причиной как политического бессилия, которое стало очевидно благодаря петербургской забастовке, так и ее *«ужасной»* революционной взрывоопасности являлось ощущение изолированности, психологической дистанции, которая разделила петербургских рабочих и образованное, привилегированное общество.

Что дает нам этот анализ основной проблемы политической и социальной стабильности в российской народной жизни накануне войны, той проблемы, какую мы поставили в начале статьи? Мне кажется очевидным, что примитивные представления, появившиеся в работах советских авторов 1950—1960-х гг., согласно которым *«революционная ситуация»* уже сложилась к июлю 1914 г., нельзя ничем подкрепить. И все же, если рассматривать в более широкой перспективе те политические и социальные трения, которые были налицо в русском обществе в 1914 г., любое прямолинейное утверждение о намечающейся стабилизации выглядит, по крайней мере, столь же безосновательным.

Не в такой степени, в какой об этом можно судить по некоторым даже наиболее трезвым советским оценкам, съезд большевистской партии, намеченный на весну 1914 г., мог содействовать широкой организации и координации партийной деятельности, необходимой для успешного осуществления всенародной политической стачки. И не в той, в какой, как уверенно предполагал Ленин, продолжение нового индустриального подъема неминуемо должно было привести рабочих в других промышленных центрах в ближайшем будущем к таким же революционным волнениям, как и в *«передовом»* Петербурге. Первое было возможным, второе даже вероятным. Но, видимо, Ленин и его последователи отчасти преувеличивали значение и того, и

другого. Если Февральская революция показала, чего можно достичь с минимальной степенью организованности, то октябрьский захват власти показал, насколько решительно переворот в Петербурге может взбудоражить всю остальную страну.

Гораздо более важный источник революционного взрыва, реально существовавший в имперской России накануне войны, лежит, на мой взгляд, в явлении, которое было сильно недооценено советскими и западными исследователями. А именно то, что к июлю 1914 г., наряду с поляризацией между рабочими и образованным привилегированным обществом, которую мы выделили в первой части статьи, практически одновременно развивался второй процесс поляризации — между основной массой этого привилегированного общества и царским режимом. Разворачиваясь вдали от растущей волны рабочего движения, этот второй процесс не мог оказывать влияние на его характер, но должен был оказать, пожалуй, решающее давление на высших представителей существующей власти. К 1914 г. эта вторая поляризация достигла такой точки, что наиболее умеренные представители либеральной мысли заявляли публично, в Думе и печати, что отношения между государственной властью и общественностью зашли в тупик, который, как утверждали некоторые, мог быть преодолен только революцией слева или справа.

Возможно, что наиболее ярким признаком этого нарастающего политического кризиса была усиливающаяся дезинтеграция существующих внутри- и межпартийных образований, особенно в политическом спектре либерального центра. Этот политический бунт, который, в конце концов, дошел до общественного сознания в конце 1913 — начале 1914 г., как «кризис партий», развивался в основном за кулисами, начиная с первых дней четвертой Думы.

Как вспоминали потом³⁶, меньшевистский лидер Мартов сделал вывод, исходя из результатов выборов в четвертую Думу, особенно в провинциальных городах, об огромном расколе между теми, кого он называл «буржуазным» и «радикально-разночинским» крылом кадетской партии. Согласно пока не опубликованному свидетельству, данному Павлом Милюковым в 1927 г.³⁷, такой раскол и в самом деле появился в это время. Начиная с осени 1912 г., совместные заседания Центрального комитета партии кадетов и кадетских депутатов четвертой Думы стали проходить в атмосфере все более ожесточенных столкновений между представителями коалиции центра и правого крыла партии, возглавляемой Милюковым, и левых кадетов, обычно руководимых Некрасовым.

Сам факт, что центр и правые кадеты, которые так далеко разошлись со времени первых двух Дум, теперь были вынуждены объединить усилия, говорит о том, что некая новая проблема, заслонившая их старые, личные и политические различия, стала первостепенной. Согласно Милюкову, эта новая проблема, которая даже на столь раннем этапе вышла на передний план, заключалась в вопросе, должна ли теперь кадетская партия придерживаться «революционного» или «эволюционного» направления, или, на эзоповом языке того времени, должна она направить свою тактику внутри Думы и за ее пределами на «органическое» или «неорганическое» разрешение конфликта между царским режимом и либеральным большинством образованного общества. Из революционного направления, защищаемого Некрасовым, и «эволюционного», отстаиваемого Милюковым, проистекал целый ряд более конк-

³⁶ Ю.О. Мартов — А.Н. Потресову 11 ноября 1912 г. № 178 // НА. См. примечание 17.

³⁷ Запись беседы П.Н. Милюкова с Б.И. Николаевским, сделанная 8 января 1927 г. // НА. (Сейчас опубликовано: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 90–93).

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

ретных тактических отличий. Некрасов, Колюбакин и их сторонники отстаивали, например, создание «блока» с думскими депутатами от трудовиков и социал-демократов. Милюков, желая поддерживать неформальные контакты с этими группами, в то же время был против создания любого более закрытого и более формального объединения под тем предлогом, что партии, представленные этими группами, особенно социал-демократы, были главными конкурентами кадетов во второй городской курии во время только что прошедших выборов в Думу. Конечно, этот аргумент не мог убедить Некрасова и его сторонников, уставших от поисков «парламентского решения».

Конфликт назрел, согласно Милюкову, при обсуждении вопроса о том, разрешить ли кадетским депутатам давать свои подписи левым, которые были нужны им для того, чтобы внести свои обычные провокационные парламентские запросы. Некрасов, который сам под ними часто подписывался, горячо поддержал эту идею. Милюков выступал против с такой же страстностью, аргументируя тем, что это серьезно испортит отношения кадетов с их более консервативными союзниками — октябристами, и по этому вопросу он сумел формально привлечь на свою сторону партийное большинство. Но его победа была кажущейся. В нарушение партийной дисциплины депутаты-кадеты продолжали подписывать просьбы по парламентским запросам своих коллег — трудовиков и социал-демократов (вызывая, таким образом, множество парламентских скандалов). Постепенно к ним стало присоединяться и все больше депутатов от прогрессистской партии.

Прогрессистская партия, созданная в последние дни третьей Думы из прежней партии мирного обновления и недовольных депутатов от октябристов и правых кадетов, была, по крайней мере, в ее руководстве, преимущественно партией крупных бизнесменов и промышленников. Тот факт, что представители этой партии, формально находившиеся далеко справа от умеренных элементов в рядах кадетов, которые из вопроса о подписях делали такую проблему, теперь были готовы подписываться под парламентскими запросами социалистических депутатов, ясно свидетельствует о том, что в это время имела место серьезная перестановка политических сил. В результате этой перестановки, руководство прогрессистской партии ушло в своем тактическом курсе так резко влево, что к началу 1914 г. установило тесный контакт с представителями крупных леворадикальных партий, включая большевиков. Действительно, письма и доклады полицейских, опубликованные недавно в советских исторических журналах, указывают на то, что в конце февраля 1914 г., по инициативе московского промышленного магната и лидера прогрессистов А.И. Коновалова, в Москве был организован так называемый информационный комитет, состоявший из прогрессистов и левых кадетов. Его целью было установить связь с левыми группами; кроме того, он вошел в активные переговоры с представителями большевиков³⁸. Впервые сообщение о том, что Ленин получил такое формальное предложение, появляет-

³⁸ Эти переговоры между московским информационным комитетом и большевиками представлены в следующих опубликованных документах: письмо И.И. Скворцова-Степанова В.И. Ленину, полученное Лениным 9 (22) марта 1914 г. и письмо В.И. Ленина И.И. Скворцову-Степанову от 11 (24) марта 1914, опубликованы в Историческом архиве (1959. № 2. С. 13—17); «Агентурные сведения начальника московского охранного отделения А. Мартынова <...> об указаниях ЦК РСДРП по созыву съезда партии» 27 апреля (10 мая) 1914 г. и «Донесение Мартынова в Департамент полиции об обещанной прогрессистами денежной субсидии социал-демократам по устройству съезда» 13 (26) мая 1914 г. и «Из записки начальника московского охранного отделения в Департамент полиции о подготовке большевиками партийного съезда» 16 (29) мая 1914 г. — в Историческом архиве (1958. № 6. С. 8—10, 12—13).

ся в длинном взволнованном письме от старого московского большевика И.И. Скворцова-Степанова. Это письмо так замечательно описывает ситуацию в либеральных кругах в Москве в начале 1914 г., и особенно состояние ума некоего человека, который, как указывает сам документ, был не кто иной, как А.И. Коновалов, что оно заслуживает, чтобы его процитировали:

«В либеральных кругах наблюдается любопытное явление. Все начинают верить, что они утратили надежду на, скажем, органический исход и выход. И все упорнее начинают говорить, что надо быть готовыми “к над-органическому” или, скажем, “сверх-органическому” решению. Отдельные экземпляры наделены хорошим темпераментом, при котором они чувствуют себя гадко среди своих приятелей по либерализму, лишенных всякого темперамента. <...> В разговоре со мною один из любопытнейших экземпляров с темпераментом (Коновалов. — Л.Х.) так выразил свои минимальные пожелания. В прошлом, говорил он, когда совершалось над-органическое решение, его социальные приятели сделали крупную ошибку. Они, напуганные активной силой, с которой были совсем не знакомы, уверили себя, что “над-органическое решение” уже совершилось, и отпали и повернулись спиной. Пусть этого не будет во второй раз. И чтобы предотвратить это, необходимо, чтобы произошло хотя некоторое чисто личное (помета Ленина на полях: “ха! ха!”) ознакомление; необходимо, чтобы мои приятели поняли, что представляет из себя активная сила и не покидали бы так быстро арены (или, точнее, не изменяли бы фронта). Необходимо разнородным элементам по временам встречаться между собой просто для того, чтобы информировать друг друга о том, что происходит в разных социальных слоях»³⁹. «Заметьте, это говорит человек, — добавил Скворцов, — социальный вес и влияние которого измеряется <...> многими миллионами рублей (беру мерило, адекватное современному обществу), а со своими ближайшими приятелями дает, вероятно, за много миллионов рублей».

И вот к этому-то экземпляру (в письме Скворцов именно так постоянно называет Коновалова) кадеты обратились с предложением: *созвать общественных деятелей душ 50—70, кадетов и прогрессистов*, которые должны были выслушать доклад одного из виднейших думских кадетов о думских делах и одного видного университетского кадета об университетских делах и, пожалуй, еще один доклад прогрессиста на желательную ему тему. Ответом было: это означает вариться в собственном соку и не понимать смысла грядущих событий.

«Несомненно, в основе такого ответа было и нечто личное», — пронизательно заметил Скворцов. «Мой экземпляр терпеть не может кадетов за то, что они чванятся своей будто бы большею левизной, чем он. При своем темпераменте он прав в своих обидчивых чувствах. Понятно, ему хочется расстроить кадетскую затею. Но, опираясь на своих мягкотелых приятелей, он ничего не может поделать. Отсюда такой ход: “чем вариться в собственном соку, пригласим-ка левых!”»

В праведных тонах, пишет Скворцов Ленину, он благоразумно ответил на предложение Коновалова, подчеркнув, что время комбинаций типа «Союза освобождения» прошло. Соглашения сейчас, в принципе, могут быть достигнуты только «между уже сплотившимися организационными формами, причем именно лишь соглашения от случая к случаю». Скворцов не стеснялся бы участвовать в собраниях, которые Коновалов имел в виду, только если бы можно было дать понять, что делается это в информационных целях, оставляя за собой полную свободу действия.

³⁹ Письмо И.И. Скворцова-Степанова — В.И. Ленину...

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

Все это Скворцов объяснял Ленину в явном смятении, боясь выговора даже за ту ограниченную инициативу, которую он взял на себя. И в то же время он думал обсудить с лидером и некоторые свои впечатления.

«Мне хотелось бы, чтобы вы почувствовали, какой это огромный интерес: наблюдать процесс новой будораги с самого ее зарождения. Нисколько не сомневаюсь, что тот характер, который по всей вероятности очень быстро примут встречи, скоро сделает для меня невозможным их продолжение. <...> Но пока можно наблюдать, не компрометируя себя и приятелей — почему не наблюдать? Очень хотелось бы, чтобы Вы дали такой же ответ. Но повторяю, если отрицательно отнесетесь ко всей этой “грязной истории”, первая встреча (она, вероятно, произойдет раньше, чем успеет ответ) будет и последней».

Возможно, к удивлению Скворцова, Ленин ответил на его письмо с большим интересом и энтузиазмом. Скворцовские «замечания насчет “огромного интереса наблюдать процесс новой будораги”» «были “безусловно правильны”». Его опасения по поводу того, что его участие во встречах может бросить тень на его собственную лояльность в партии, было развеяно заявлением, что оно «вполне правильное и для дела полезное». Переходя к делу: «Нельзя от “экземпляра” достать денег?» «Очень нужны. Меньше 10 000 р. брать не стоит». И, далее, может ли Скворцов дать ему знать, насколько откровенно он может беседовать: а) с *экземпляром*, б) с его отдельными приятелями и знакомыми и прочее, в) со всеми участниками «встреч»?

«По-моему, надо выделить тех, с кем можно говорить откровенно и им откровенно поставить вопросы вроде следующих: аа) мы идем до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться, до каких вы? Неофициально, приватно!! бб) мы вносим то-то и в смысле сил, средств и пр.; Нельзя ли информироваться, что способны внести вы во внедумскую борьбу? Вы же говорите: экземпляр находит, что рано изменили фронт либералы в 1905 году. — вот и “информироваться” — все ли так смотрят и на какой срок примерно предполагают отсрочить перемену фронта (конечно, сие не во времени, не в сроке можно выразить, а в политических переменах). вв) способны ли дать деньги? гг) создать нелегальный орган? и т. д.» «Наша цель, — заключает Ленин, — информироваться и подтолкнуть на всякое активное содействие революции с возможно более прямой и откровенной постановкой вопроса (для а или б или даже для в: Вам это видно будет) именно насчет революции. Если можно, хорошо бы и Вам выступить с докладом, о тезисах коего я бы с удовольствием высказал, в случае надобности, свое мнение»⁴⁰.

То, что последовало за этим, можно узнать из донесений главы московского охранного отделения А. Мартынова директору Департамента полиции. В донесении от 27 апреля (10 мая) 1914 г. говорилось, что на своем собрании 19 апреля московский информационный комитет дал своего рода обещание предоставить большевикам 20 000 рублей на созыв съезда партии, в котором Ленин видел насущную необходимость, ибо именно съезд должен был положить организационную основу успешной всенародной политической стачки. Чтобы собрать эти деньги, как говорилось в донесении далее, Ленин приказал большевистским депутатам Петровскому и Малиновскому обращаться непосредственно к трем членам информационного комитета: Коновалову, его товарищу магнату Морозову и к Рябушинскому, издателю «Утра России», печатного органа прогрессистов. Но на этом участие большевиков и заканчивалось. Именно тогда Ленин предложил, чтобы большеви-

⁴⁰ Письмо В.И. Ленина — И.И. Скворцову-Степанову... С. 13.

ки не принимали участия в том, что он назвал «делом Коновалова», т. е. в дискуссиях Информационного комитета⁴¹. Похоже, что Коновалов отплатил большевикам их же монетой за такую политику самоустранения. Об этом можно заключить из донесения от 13 (26) мая главы московского охранного отделения в Департамент полиции о том, что когда Петровский обратился к Коновалову за обещанной суммой, «Коновалов заявил, что вопрос еще не решен, заметив между прочим, что прогрессисты уже давали деньги большевикам: 2000 рублей на легальную рабочую печать год назад и в этом году 3000 рублей Ленину, переданных через Елену Розмирович»⁴². Имеющиеся сведения не позволяют с уверенностью заключить, получили или нет большевики в конце концов обещанную помощь на партийный съезд. Есть основания сомневаться в этом, хотя бы из-за жалобы в письме Крупской в начале июня «о полной нехватке денег» в кассе большевиков для съезда, который было решено открыть двумя месяцами позже⁴³.

Даже если из-за сдержанности Ленина большевики в конечном счете не смогли достать деньги, обещанные прогрессистами, эпизод, который мы только что привели, дает замечательное освещение углубившегося кризиса партий в 1914 г. и риска, который ответственные лица российских либеральных кругов готовы были принять в поисках революционного выхода из существующего политического тупика. Об этом можно судить и по страницам большевистской печати, которая слишком явно намекала, что Ленин и его последователи теперь внимательно следят за появлением из ожидаемых революционных предпосылок ничего иного как «истинного», руководимого большевиками, «демократического режима рабочего класса и крестьянства».

Действительно, с началом 1914 г. любые надежды относительно выхода из революционного кризиса, казалось, испарились даже среди наиболее умеренных представителей либералов. Под ударом безрассудного, убийственного курса правительства и горстки его сторонников октябристская партия разошлась по швам. Комментируя решение шестнадцати левооктябристских депутатов восстать против руководства партии и отклонить любую попытку примирения с существующим режимом, А. С. Изгоев, сам сторонник умеренности в политике со времени «Вех», теперь провозглашает со страниц «Русской мысли»: «Неудача “левых октябристов” не есть их личная неудача. Она знаменует собой крах целой идеи. Обновление России не может совершиться силами помещного класса. Лучшие люди его бессильны. 1861 год не повторится. Решение общественной задачи переходит в другие руки: идет демократия»⁴⁴.

Наиболее красноречивый представитель российского либерализма, выступающий за «эволюционную ориентацию», Петр Струве в порыве отчаяния описал в том же номере «Русской мысли» ход столкновений с обществом, которые, скорее всего, были спровоцированы правительством и его фанатичными сторонниками. После провала столыпинского эксперимента, вспоминает он, государственная власть была вовлечена во все более ожесточенную борьбу против того самого законного порядка, который она же санкционировала октябрьским манифестом. Государственная власть признала законное существование Думы; тем не менее, располагая любыми средствами, ее агенты искали повода прекратить существование большинства представленных в Думе партий. Власть признавала право общества на представитель-

⁴¹ Агентурные сведения начальника московского охранного отделения... // Исторический архив. 1958. № 6. С. 8–10.

⁴² Донесение А. Мартынова... // Там же. С. 12–13.

⁴³ Письмо Н. К. Крупской Уральскому областному комитету РСДРП 4 (17) июня, 1914 г. // Там же. С. 20.

⁴⁴ Изгоев А. С. На перевале. Октябристы // Русская мысль. 1914. № 1. С. 147.

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

ство, но бюрократия рьяно старалась сдерживать общественные органы местного самоуправления. Главное противоречие Российского государства, в котором была какая-то внешняя логика, состояло в том, что в высших официальных кругах распространилась «бесстыдная пропаганда» необходимости новых нарушений Основных законов и контрреволюции справа, чтобы, как минимум, свести Думу к чисто совещательному органу. Но поиски такого пути, как настаивает Струве, неизбежно приведут кратчайшим путем к радикальному революционному перевороту. Единственное реальное спасение государственной власти состоит в восстановлении ее здоровья, которое может быть достигнуто только путем отказа от самоубийственной борьбы с обществом.

«Никогда страна так не нуждалась в том, что называют здоровой властью, и никогда положение дел не было столь далеко от реализации такой здоровой, или нормальной, власти». Так или иначе, заключает Струве на новой воинственной ноте, у страны будет свой путь: «И если мы в оздоровлении власти видим настоящую задачу политического прогресса России, то не потому, чтобы иначе мы отчаивались бы в судьбах самой России. Мы просто желали бы, чтобы политическое развитие нашей страны совершалось мудро и твердо, без «великих потрясений», всегда болезненных, но неизбежных, там, где из «потрясений» не выносятся никаких уроков для <...> «умиротворения»»⁴⁵.

Готовность, которую продемонстрировал Струве в этом заключительном утверждении хотя бы поразмыслить над освобождением очень революционно настроенного Антея, против которого он предупреждал столь красноречиво всего за пять лет до этого, была, пожалуй, самым ярким примером той действительной поляризации взглядов, к которой подошли государство и образованная часть общества к 1914 г.

Безусловно, в публицистике того времени еще можно натолкнуться на наблюдение, столь часто цитируемое в более поздних эмигрантских мемуарах, что «атмосфера разочарования», которая господствует в Петербурге, исчезает уже в «100 верстах от крупных центров». «Там все тихо, — заметил автор из умеренных кадетов Гессен в своем ежегодном обозрении *«Речи»* в январе 1914 г. — Тем не менее, там имеет место всеохватывающий процесс успокоения; грань между городом и деревней стирается».

Действительно, в российской провинции 1914 г. можно найти много признаков экономического и социального прогресса: введение новых сельскохозяйственных культур, новые технологии и формы организации сельского хозяйства, индустриализация деревни, растущая грамотность среди низших слоев и оживление культурной жизни высших слоев провинциального общества. Но нигде, кроме крупнейших городов, эти признаки прогресса и изменения в населенных пунктах не должны рассматриваться как очевидность достижения или реальная перспектива большей политической стабильности. Даже Гессен, в общем, большой оптимист, вынужден был отметить в жизни провинции всеобъемлющий и все более острый конфликт между «обществом», стремящимся к организации и укреплению своих связей, и местными бюрократическими административными органами. Влияние дела Бейлиса не заставило себя ждать, и в провинциальных кругах, как и в обеих столицах, трещина между чиновничеством и образованным обществом углубилась и стала непреодолимой. Статья С. Елпатьевского (*«Русское богатство»*, январь 1914 г.) ярко описывает два почти изолированных друг от друга мира, которые теперь стали очевидными в большинстве провинциальных городов.

⁴⁵ Струве П.Б. Оздоровление власти // Там же. С. 158.

Происходит своего рода соби́рание Руси по обе стороны стены, разделившей Россию. По одну сторону собрались объединенное дворянство, объединенная бюрократия, ведомственные люди и обыватели, которые так или иначе «кормятся от казны», по другую сторону — просто обыватель, толпа провинциального общества⁴⁶.

Для большей уверенности Елпатьевский признает, что разделение на «официальную» и «неофициальную» Россию имело долгую историю, но в годы после революции 1905 года оно стало острее, чем когда-либо раньше. «25–30 лет назад <...> провинциальное либеральное или просто культурное общество было смешанное». Оно включало должностных лиц, которые, как считалось, были либеральными или просвещенными — требование для членства в развитом обществе. «Среднее и мелкое дворянство давно ушло от чисто дворянских традиций и смешалось с обществом». И по тому же признаку из некоторых ведомств были удалены люди, считавшие себя «не только чиновниками, но и русскими гражданами».

Так «официальная» и «неофициальная» Россия превратилась в два совершенно отдельных друг от друга мира. Население этих миров до сих пор встречается более или менее мирно в театре, на бульваре, в общественном парке. Но теперь оно принадлежит к разным клубам, посещает различные публичные лекции и не приглашает друг друга на званые вечера. Дело Бейлиса послужило последней каплей, ускорившей этот процесс обоюдного отчуждения. Оно устранило основания для любой возможной попытки примирения этих двух лагерей; оно обнаружило их ощущение неотвратимого конфликта и послужило его эпицентром:

«в лагере официальной России» сейчас преобладало «настроение враждебности по отношению к тем, кто признал октябрьский манифест, по отношению к другим национальностям и иноверцам, тем, кто иначе верил и иначе поклонялся». С другой стороны, «желания стали более ясными и определенными», а «мысль более подвижной и напряженной». «Официальная Россия ничему не научилась и ничего не забыла»; она «ничего не переросла с возрастом» и «ни к чему не приспособилась». А общество, со своей стороны, «уже давно перестало ожидать реализации своих надежд сверху».

Таким образом, Елпатьевский различил в российской провинциальной жизни с начала 1914 г. такие же признаки поляризации мнений, как и в центре политической арены, где «правительство, после поисков достижения понимания с кадетами и октябристами, сдвинулось в направлении правых партий», в то время как по другую сторону баррикад «все надежды Думы на любую [возможную] законодательную работу с правительством постепенно рушились». Кризис сейчас стал настолько острым, что у революции или контрреволюции был лишь один выход: «Теперь даже из октябристских слоев доносятся возгласы, что при теперешних условиях нет больше смысла беречь Думу», в то время как правым фракциям, которые уже год громко предупреждали о «надвигающемся конфликте», «революции» и «повторении 1905 года» удалось убедить самих себя в неизбежности «катастрофической конфронтации». Из всего этого Елпатьевский заключил, в едва скрытой эзоповой манере, что вся напряженность жизни нации быстро приближается к развязке: «правительство уходит от общества, еще решительнее, чем общество от него, — делает конфликт сложнее и примирение труднее. Пропасть делается глубже, стена вырастает выше <...> Согласование русской жизни необходимо и неотвратимо. Жизнь идет»⁴⁷.

⁴⁶ Елпатьевский С. Жизнь идет // Русское богатство. 1914. № 1. С. 281–282.

⁴⁷ Там же. С. 287, 288, 299.

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

Один парадоксальный аспект поляризации между государством и обществом под этими сгущающимися тучами революции и контрреволюции заслуживает дальнейшего рассмотрения, так как это приведет к некоторым четким и существенным характеристикам исторической ситуации, которая обсуждалась в данной статье. Ясно, что во многих отношениях Российское государство накануне Первой мировой войны, так же как и в феврале 1917, созрело и даже перезрело для прихода к власти новых *pays réel**: новых, в будущем правящих групп и институтов, готовых принять на себя формальный контроль над государственной жизнью.

Волнения, вызванные делом Бейлиса, назревающий скандал распутищины, катастрофическое отсутствие в официальных кругах людей, способных к управлению, — все это является драматическим доказательством глубочайшего распада царского режима, т. е. дезинтеграции его интеллектуальных и моральных ресурсов и потери им поддержки среди жизнеспособных социальных элементов страны в целом. В то же время оказалось, что в разрастающихся органах самоуправления и независимой деятельности образованного общества (в политических и журналистских кругах, окружающих Государственную думу, и в местных органах самоуправления, в кооперативных обществах города и деревни, в различных объединениях общественного просвещения и на сегодняшний день более воинственных ассоциациях крупного бизнеса и производства) выкристаллизовалась целая организованная структура порядка и потенциального управления, куда лучше подготовленная взять и эффективно осуществлять власть, чем их любой институциональный двойник накануне французской революции.

Тем не менее, если читатель возьмется изучать различные комментарии в российской публицистике конца 1913 — начала 1914 г., он, наверно, поразится частой ноте отчаяния, звучащей даже из уст обычно оптимистичных наблюдателей, чувством смущения и тревоги, охватившим политическую и социальную сцену. Подобную ноту можно услышать даже в обзоре Гессена в ежегоднике «Речи» за 1914 г. Как отмечает Гессен в своем обзоре, постоянная конфронтация между обеспокоенной общественностью и упорно бескомпромиссной государственной властью поверхностно похожа на ситуацию в России 1904—1905 гг. Но на этом сходство заканчивается.

«Что же касается активности [общества], то она, по-видимому, уходит прежде всего на внутренние трения между разными группами и внутри однородных групп. Разговоры о блоках, соглашениях и большинстве составляют хроническую злободневную тему. То же относится и к межпартийным отношениям <...> Наиболее ярким примером в этом отношении служат социал-демократы, которые между собой враждуют не на жизнь, а на смерть <...> То же самое происходит и в других политических партиях»⁴⁸.

Ища объяснения этой «нездоровой ситуации» и «обостренной реакции» общества на «все явления», которые эта ситуация якобы отражает, Гессен нашел его в общем упадке морали и в «неутолимой жажде сенсаций» современного ему общества — стандартная реакция *интеллигента* старой школы на все неблагоприятные явления сегодняшнего дня.

Вероятно, политический и социальный произвол, близоруко распознанный Гессеном, должен был объясняться тем воздействием, которое оказал на обществен-

* Здесь: истинных хозяев (фр.).

⁴⁸ Гессен И.В. Внутренняя жизнь // Ежегодник газеты «Речь» за 1914 г. СПб., 1914. С. 24—25.

ное мнение тупик в отношениях между государственной властью и образованным обществом скорее, чем сексуальные оргии Санина. Как мы уже отмечали, сущность «кризиса партий» состояла в том, что каждая ответственная политическая фигура должна была решить для себя сейчас, покинуть ли рушащийся путь реформ и этим рискнуть спустить с цепи новую революцию или нет. Жесткая дилемма была рассчитана не только на то, чтобы вызвать перетасовку всех существующих политических установок; она также давала представление о том, что наиболее умеренные партии были неподходяще организованы или приспособлены для создания и использования революционной ситуации. Но даже это не является адекватным объяснением чувства подавленности и тщетности, которые Гессен обнаружил среди лидеров партий центра и умеренно левых. Главный источник этого чувства, как мне кажется, лежит в часто неопределенном, но широко разделяемом ощущении, что эти партии не были достаточно репрезентативными, что они представляли в лучшем случае цензовые элементы (привилегированную часть общества), и им до отчаяния не хватало поддержки низших слоев, особенно среди уже политически пробудившихся промышленных рабочих. Это ощущение, так остро отразившееся в творчестве А. Блока, апокалиптически чувствовавшего тонкость и хрупкость современной ему русской культуры, привело кружки «передовой мысли» к осознанию того, что существующие политические комбинации больше не являются адекватными для успешного выхода из создавшегося положения: т. е. чтобы осуществить революцию и при этом удержать под контролем «основные» инстинкты, которые могла освободить подобная революция среди городских и сельских масс. В таком свете, как мне кажется, нам нужно рассмотреть тщетные попытки в духе Коновалова найти некоторого рода соглашение, понимание с большевиками. Отношение Коновалова было лишь одним из чайний, так широко выраженных представителями «передовой мысли» накануне войны, чтобы как-нибудь вернуть дух и напор старого освободительного движения, каким оно было до 1905 г., то есть заново установить широкую политическую комбинацию, способную мобилизовать поддержку политически и потенциально значимых слоев российского общества посредством новых персональных контактов и союзов, а также цепи новых неформальных связей между представителями либерального центра и левых радикалов.

В той же перспективе, как я считаю, мы должны интерпретировать и оценивать характер такого все еще туманного явления российской политической и социальной жизни в предвоенный период как возрождение масонства. Роль масонства в предыстории русской революции до сих пор скрыта под пеленой мрака и слишком противоречива, чтобы претендовать на точное историческое описание. Однако из доступных сведений⁴⁹ неумолимо следуют несколько общих замечаний. Во-первых, по этим данным, в последние дни третьей Думы получила развитие важная инициатива возродить и активизировать русское масонское движение, существенно из-

⁴⁹ Данные, на которых основана дискуссия о роли российского масонства последних лет империи, были почерпнуты из следующих источников: *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937; *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. II. Нью-Йорк, 1955; Письмо Е. Д. Кусковой — Н. В. Вольскому 15 ноября 1955 г. и из письма Е. Д. Кусковой — Л. О. Дан 12 февраля 1957 г. // *Аронсон Г. А.* Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 138–42, и особенно интервью по данной теме, проведенные Б. И. Николаевским в 1920-х гг. с Н. С. Чхеидзе и А. Я. Гальперном (*Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 49–75, 82–89).

менив его характер. По мысли, по крайней мере, некоторых ее инициаторов, целью этой попытки с самого начала была мобилизация эффективной «демократической» коалиции против существующего режима путем сближения представителей «передовой мысли» всех центральных и левых партий (от прогрессистов до большевиков) и всех «прогрессивных» органов образования, общественного обсуждения и независимой деятельности «общества». «В такой форме», как вспоминает одна из инициаторов этой попытки, старый «освобожденец» Кускова, «была надежда восстановить “Союз освобождения” и нелегально работать для освобождения России»⁵⁰.

Кускова и другие участники отмечают, что при попытке достигнуть этой широкой политической цели были отброшены старые масонские ритуалы, хотя ритуал посвящения до сих пор включал клятву секретности, «абсолютной тишины». Но следует заметить, что за этой стеной молчания лидерам масонского движения в общем не удалось, или они и не пытались всерьез, во всяком случае, в течение довоенного периода, выработать какой-либо конкретный план политических действий (за возможным исключением, как мы увидим, московской масонской ложи). В самом деле, большая часть поверхностного успеха нового масонства в привлечении новых членов из различных частей мыслящего общества лежала в той неопределенности идеологических убеждений и размытой политической принадлежности, которые фактически требовались от его членов.

В этих условиях новое масонское движение в период с 1911 до 1914 г. быстро и ощутимо выросло в организационном плане. К началу войны сформировались несколько лож не только в обеих столицах, но и в таких отдаленных провинциальных центрах, как Киев, Самара, Саратов, Тифлис и Кутаиси. А к лету 1912 г. эти ложи были свободно объединены в «Верховный Совет народов России», национальную организацию, возглавляемую исполнительным советом и периодически избираемыми исполнительными секретарями, которые за предреволюционный период фактически провели три национальных съезда (в 1912, 1914, 1916 гг.).

Действительно, масонскому движению удалось на бумаге реализовать мечту Кусковой о «заполнении существующего политического вакуума» созданием новой и широкой политической сети, частично покрывавшей на тот момент «обанкротившиеся» подразделения партий, и «взяв под контроль» через «своих людей» существующие органы общественного мнения и деятельности⁵¹. К началу войны масонство включило в свои ряды выдающихся представителей широкого круга центральных и левых политических группировок, от А.И. Коновалова и И.И. Ефремова из прогрессистов и Некрасова и Терещенко из левых кадетов до Керенского из трудовиков и Гальперна, Скобелева, Чхеидзе, Чхенкели и Гегечкори из меньшевистской фракции РСДРП (грузинские социал-демократические депутаты Думы нашли масонство особенно привлекательным). Ему также удалось с равным успехом привлечь видные фигуры из различных органов, новых и старых, независимой деятельности «общества» — от традиционных для набора членов земств, городских дум и Вольного экономического и технических обществ эпохи «Союза освобождения» до совсем недавно организованных учительских и кооперативных организаций.

⁵⁰ Письмо Е.Д. Кусковой — Н.В. Вольскому 15 ноября 1955 г. // Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 138.

⁵¹ См.: Из письма Е.Д. Кусковой — Л.О. Дан 12 февраля 1957 г. // Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 141. «Это письмо, написанное, когда Кусковой было семьдесят, действительно пропитано убеждением, что все это было “гениально сделано”».

Действительно, хотя любая конспиративная теория истоков русской революции может с трудом серьезно приниматься в расчет, было бы столь же сложно утверждать, что личные контакты, неформальные политические соглашения, идущие в разрез с партийными курсами, которые ложи сделали возможными, все вместе были лишены политического значения в событийном развитии предыстории 1917 г. В том, что касается довоенного периода, может быть полезно заметить, что большинство выдающихся прогрессистов и левых кадетов, участвовавших в работе московского Информационного комитета в 1914 г. (переговоры которого с большевиками были изложены раньше), — Коновалов, Морозов, Некрасов, Степанов, Волков были масонами и что, по всей вероятности, этот комитет был сам по себе передовой организацией («вспомогательным органом», если пользоваться языком того времени) московской масонской ложи, политически самой активной из действовавших тогда в России.

А если взять более долгую перспективу, окажется трудным отрицать, что личные соглашения, придуманные внутри масонских лож, фактически оказали некоторое влияние на отбор членов Временного правительства в 1917 г., и на характер расстановки сил внутри него. Как определенно намекает в своих мемуарах Милюков, все четыре члена центрального квадрумвирата Временного правительства — Керенский, Некрасов, Терещенко и Коновалов — были масонами со стажем, и Милюков считал себя жертвой их интриг. Можно даже поспорить, что неформальное политическое соглашение, лелеемое масонством годами, как между Некрасовым и Терещенко — постоянными элементами среди «буржуазных министров» Временного правительства — и ведущими фигурами Петербургского совета, существенно облегчило прохождение опасного эксперимента двоевластия и возможной коалиции министров⁵².

Но даже если признать все это, то наиболее примечательным явлением в русском масонстве на протяжении этих лет является скорее его политическая слабость, чем

⁵² Милюков пишет: «Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым — и двумя неназванными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника <...> Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника». И из более раннего разоблачающего абзаца, где обсуждается отбор министров Временного правительства в начале Февральской революции: «Всего труднее было рекомендовать никому не известного новичка в нашей среде, Терещенко, единственного среди нас “министра-капиталиста”. В каком “списке” он “въехал” в Министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего Некрасова, откуда вышел и неожиданный радикализм “прогрессистов”, Коновалова и Ефремова. Об этом источнике я узнал гораздо позднее событий» (*Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. II. Нью-Йорк, 1955. С. 332–333, 311–312). Согласно достоверным свидетельствам, и Некрасов и Керенский до 1917 г. служили исполнительными секретарями Верховного совета народов России, новой масонской национальной организации: Некрасов в 1912–1913 и после смерти Колюбакина на фронте с лета 1914 до лета 1916, а Керенский после лета 1916 г. Эта информация почерпнута из интервью, записанных Б.И. Николаевским в 1920 г. с А.Я. Гальперном, выдающимся меньшевиком и в то же время членом Исполнительного Комитета Верховного совета народов России; это частично подтверждено менее полным свидетельством Н.С. Чхеидзе (*НА.* Сейчас опубликовано: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 49–75, 82–89).

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

сила. Эта слабость нового масонского движения не вполне объясняется неудачей привести своих членов к общим политическим цели и тактике. И даже его неспособностью понять, что человеческая семья, стоящая над границами класса и государства, может представить адекватную замену жизнеспособной, подходящей идеологии для сегодняшнего российского общества. После всего этого можно утверждать, что ни sociétés de pensée* XVIII в., ни, если спуститься поближе к земле, «освобожденцы» и их политические союзники начала XX в. никогда не проявляли способности или даже нужды сформулировать такой чисто программный или тактический курс. Фактически на протяжении всей своей истории «Освобождение» намеренно оставалось широкой, аморфной «свободной организацией», желающей скорее охватывать, чем объединять и контролировать группы с весьма различными социальными позициями и доктринальными взглядами. Но что «освобожденцы» в действительности сумели сформулировать, так это видение российского **немедленного**, а не отдаленного будущего, которое казалось довольно достижимым, по крайней мере на время, для разнообразных элементов, на которых они имели влияние. И секрет этого успеха скрывался, по последним исследованиям, в том, что под оболочкой доктринальных различий единая характерная черта (некоторые общи позиции и ценности, однако рассеянные или скрытые) все еще связывала в начале века **наиболее четко выраженные и политически значимые** группы в российской национальной жизни.

Вот природа достижения, которое десятилетием позже русские масоны и другие мыслящие подобно им группы не смогли повторить. Нет, они, конечно, ввели в свой круг видных представителей трудовиков и меньшевистской фракции социал-демократии и продолжали так делать на протяжении войны. Но связи, которые были задуманы между либеральными и радикальными кругами русского общества, были с самого начала скорее кажущимися, чем реальными, и под давлением любого значительного политического кризиса оказались более эфемерными, чем в 1905 г. На этот раз ошибка не заключалась, как в 1905 г., в непостоянстве представителей умеренных левых. Напротив, большинство лидеров левых старались даже под давлением остаться верными своим либеральным союзникам, но в эти моменты кризиса они оказывались лидерами без армии, покинутыми теми массами трудящихся, которых должны были представлять. Такова была окончательная судьба умеренных лидеров Советов в 1917 г. Но уже в 1914 г. это стало уделом тех меньшевиков, которые, в отличие от своих большевистских соперников, продолжали участвовать во встречах московского Информационного комитета и подобных мероприятиях.

В сущности я пытаюсь предположить, что с самого начала масонство было неспособно навести мост через ту пропасть, которая на тот момент, по крайней мере в российских городских центрах, отделяла более привилегированный образованный слой российского общества от открыто недовольного и беспокойного рабочего класса. Сеть масонских лож не смогла сделать ничего более, как прикрыть эту пропасть бумагой: как мы видели, она не смогла достичь большего не потому, что большевистские воззвания притягивали рабочих, а потому, что рабочие сами проявляли свое бунтарство, выказывали свою собственную стихийную непокорность.

В таком понимании основное историческое значение масонства зависит от степени, с которой оно отражало природу и прогресс революционного кризиса в России накануне войны и характер усилий, толчком к которым послужил этот кризис. В этой же связи, возможно, не составит труда выделить группу гипотетических обстоятельств, в которых могла оказаться Россия (даже при отсутствии дополнительных проблем, вызванных войной, хотя, может быть, и под непосредственным воз-

* Мыслящие общества (фр.).

действием другого, чисто внутреннего кризиса) в случае того самого радикального переворота, на который Ленин уже в конце 1913 — начале 1914 г. делал ставку и который Россия фактически испытала во время Октябрьской революции.

Я, однако, буду строить свои доводы на более скромных и надежных основаниях: на прозаическом и часто игнорируемом утверждении, что **характер, и не обязательно серьезность политического и социального кризиса**, очевидного в городской России накануне войны, более напоминает революционные процессы, которые мы увидим в течение второй российской революции, чем те, что развернулись в России во время первой. Или, если облечь это в форму *vérité de La Palisse*^{*}, то, как мы знаем, 1914 г., хоть и очень приблизительно, находится посередине между 1905 и 1917 гг. На самом деле, годы войны не могли породить эти два глобальных процесса поляризации; они лишь существенно ускорили те процессы, которые уже развивались в российской государственной жизни в течение довоенного периода.

С одной стороны, эти годы свидетельствуют не только об обострении чувства неудовлетворенности образованного общества нелепым и беспомощным царским режимом, но и о дальнейшей кристаллизации — в Государственной думе, Земском союзе, Союзе городов, Военно-промышленных комитетах и других центральных и местных органах общественной самодеятельности — заметно эффективной сети новых организаций, нового порядка, новой власти, полностью подготовленной взять и держать бразды правления, как только падет власть старого государства.

Но в эти годы также продолжал развиваться и другой процесс поляризации, который мы уже рассмотрели в довоенный период, — разделения между образованным, привилегированным обществом и городскими массами — процесс, который лишит новый режим большей части его потенциальной эффективности, его власти, его законности даже до того, как он фактически возьмет ее. Развитие этой второй поляризации подчеркивают не только специфические экономические потери, вызванные войной, но и существенное ускорение изменений в характере промышленного рабочего класса, которое мы уже отметили в непосредственно довоенные годы, — наплыв в еще более ускоренном ритме новых элементов в промышленную армию из-за военной активности и призыва в армию⁵³.

Некоторые из этих новых рабочих были женщинами, некоторые — подростками или малолетками, некоторые (например, в металлообрабатывающей промышленности) были старыми промышленными рабочими, перемещенными из нестратегических в стратегические отрасли, но большинство, как мы предполагаем, продолжало поступать в промышленную армию из деревни, в первую очередь из перенаселенных сельскохозяйственных областей центра Европейской России, который в 1913–1914 гг. уже поставлял таких подходящих для большевистской агитации новобранцев. Опыт 1917 г. отчетливо покажет, хотя, допускаю, под давлением тяжелых условий военного времени, к чему могли привести еще несколько месяцев подобной агитации.

* Прописная истина (фр.).

⁵³ Снова следует отметить, что все эти изменения в составе рабочей силы были наиболее драматичными в слое промышленного рабочего класса, который в итоге продемонстрировал наибольший революционный запал. Так, если общее количество промышленных рабочих в годы войны выросло только на 6,5 % (хотя ее состава, конечно, коснулись наиболее значительные изменения), то в бушующем Петербурге — на 58,5 %, в металлообработке в целом — на 69%, а если более точно — «авангарда российского революционного рабочего класса» большевистского толка, т. е. рабочих петербургской металлообрабатывающей индустрии — на 134% (Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958. С. 72–83).

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

Разумеется, первые полтора года войны скрыли на какое-то время работу разрушительных процессов. Эти месяцы говорят об очевидном расколе большевистской партии под совместным действием полицейских арестов и призыва в армию рабочих-большевиков. Действительно, было заметно непродолжительное оживление общественного мнения во время всплеска национального чувства, который, без сомнения, под воздействием не только на образованное общество, но и на значительную часть «рабочих масс». Еще более примечательно, что в этот период было подчеркнуто выражено или, по крайней мере, более четко сформулировано желание, уже выраженное в довоенный период старшей, меньшевистски ориентированной рабочей интеллигенцией, вернуться в рамки государственного порядка. Оставленные на мгновение в центре российской рабочей сцены, многие из наиболее выдающихся фигур этой рабочей интеллигенции теперь присоединились к рабочим группам Военно-промышленных комитетов. Некоторые сделали это единственно для поддержки военных усилий; другие имели в виду более сложную комбинацию «оборонительных» соображений и революционных надежд. Однако и те и другие своим участием в упомянутых общественных органах выражали и укрепляли более примиренческие позиции по отношению к либеральным элементам, представленным в них.

Но политическая и социальная значимость этих явлений очень скоро оказалась эфемерной. В конце 1915 — начале 1916 г. некоторые лидеры «передовой мысли» уже возобновили, на этот раз серьезно, заговор с целью ниспровержения царского режима. С 1916 г. опять начался подъем рабочего движения. И уже через год меньшевистская рабочая интеллигенция, значение которой так внезапно и поразительно возросло в специфических военных условиях, продемонстрирует столь же поразительную неспособность влиять, даже в самой слабой степени, на ход событий. Одним из наиболее примечательных явлений 1917 г., ставшим очевидным уже с первых дней революции, был провал попытки лидеров рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета задеть чувствительную струну в их собственном рабочем классе и сыграть политическую роль, сравнимую с ролью их непролетарских, но более радикально настроенных товарищей из партии меньшевиков. Тем временем стена обоюдного непонимания, которая должна была отделять эту рабочую интеллигенцию от рядов трудящихся масс, поднялась так же высоко, как и та, что разделяла эти массы с «буржуазным» обществом. Это была одна из самых потрясающих черт 1917 г., плачевный исход длительных усилий меньшевиков создать после 1905 г. рабочее движение европейского типа.

Следящий за разворачивающимися революционными процессами, выделенными в этой статье, взгляд историка может также поискать объяснений с помощью сравнений, которые мы уже косвенным образом извлекли из революционных ситуаций в России 1905, 1914 и 1917 гг., из сопоставления характера рабочих беспорядков в Петербурге накануне Первой мировой войны и рабочих волнений в других европейских столицах, из даже более смелых и широких сравнений, которые можно извлечь из предыстории великой революции 1917 г. и великой революции 1789 г. Кроме того, мне кажется, что различий, которые подобные сравнения могут дать, окажется намного больше, чем общих черт.

В контексте европейской истории десятилетие, предшествовавшее 1917 г. в России, имеет явную особенность. Она отчасти заключается в том, что за эти годы произошли и в большой степени слились два весьма различных революционных процесса, которые в истории остальных европейских стран не находят примеров, сходных по интенсивности, ни на одном отдельном этапе исторического развития. Ближайший пример схожих политических и социальных отношений, продемонстрированных российскими рабочими в 1914 г., вероятно, можно найти в довоенной

Европе среди французского рабочего класса, который провозгласил по крайней мере сравнимое чувство отчуждения от существующего политического порядка и процветания другого слоя французского общества. Но если такое положение дел и привело накануне войны к серьезному кризису в системе Третьей республики, этот кризис не был далее усложнен и обострен оставшимися пережитками старого порядка. Также можно утверждать, что остатки старого режима были гораздо заметнее на немецкой политической и социальной арене 1914 г. и что они повлияли на безвыходность отношений между имперским правительством и рейхстагом, однако трудно согласиться с тем, что социальные позиции немецкого рабочего класса, которые способствовали этому кризису, хотя бы отдаленно можно было сравнить с позициями неистового российского пролетариата.

Если взглянуть на предысторию 1917 г. в десятилетней ретроспективе развития России до 1905 г., то ее своеобразие не слишком зависит от разнообразия групп и позиций, представленных среди оппозиции и революционных сил. Общенациональное движение, которое было сформировано в октябре 1905 г. и которое распалось значительно быстрее, чем создавалось, отличалось колоссальной разнородностью составных элементов: землевладельцы, ремесленники и с опозданием появившиеся в нем крупные предприниматели и промышленники; рабочие и крестьяне, а точнее, будущие представители крестьянского движения; большевики, меньшевики, социалистические революционеры — весь этот ворох политических направлений собрался под крышей «*Союза освобождения*».

Все эти группы и направления руководствовались абсолютно разными принципами, лежавшими в основе их отношения к экономическим и социальным процессам, действовавшим в жизни государства. Некоторые вовлекались в революционную оппозицию, горя желанием получить более ясное и четкое выражение ценностей и институциональных форм российской жизни, соответствующее их взгляду на тот мир.

У других же, наоборот, негодование вызывали как раз те самые силы, которые участвовали в этой модернизации или, по крайней мере, те формы, которые эта модернизация приняла во время эксперимента Витте, т. е. страдания и лишения, которые обременяли деревню, темная и страшная жизнь в бараках и лачугах промышленных трущоб, грубое и оскорбительное зрелище нового господства денег. И даже интеллигенты, которые так способствовали составлению этой коалиции, временно преуспели в этом именно потому, что очень многие из них, призванные из столь отдаленных друг от друга уголков России, фактически сочетали в себе под тонкой пленкой логически выстроенных идеологий вихрь хаотических и конфликтующих точек зрения, представленных в жизни страны.

В то время как разобщенность оппозиции самодержавию в начале века и убеждений входившей в нее интеллигенции (либералы, марксисты и последователи народников) в конечном счете обусловили скорость распада, которому эта коалиция подверглась во время сурового испытания 1905 г. Этим также объясняется, конечно, кратковременность провозглашенной ею власти. Хотя бы на одно историческое мгновение самодержавие столкнулось лицом к лицу с образом нового и подобающего объединенного народа. За это же короткое мгновение интеллигенции, как прототипу или микрокосмосу этого объединенного народа, удалось склонить подвластные ей группы забыть давние различия интересов, точек зрения и ценностей, которые разделяли их, и выработать общий ряд конкретных политических целей, единую точку зрения, какой бы неполной и отвлеченной она ни была, по поводу ближайшего будущего России, а то и вообще ее судьбы.

Потенциальное значение этого согласия по ограниченному ряду политических целей, достигнутого между различными группами, — нахождение общего знамени

Проблема социальной стабильности в городской России. 1905—1917 гг.

теля для некоторых интересов и откладывание столкновения других нельзя недооценивать. Тем более потому, что подобное согласие составило важную предпосылку успешного начала Великой Французской революции 1789 г., чей образ владел политическими умами большей части российской интеллигенции в 1905 г.: именно в предреволюционные 1787—1788 гг. оппозиция старому режиму черпала большую часть своих сил не только из «прогрессивных» надежд третьего сословия, но также из негодования знати и церковников, против неумело замаскированных феодальных привилегий, против административных инноваций в стране, которая с большим трудом поддавалась модернизации. Если быть точным, во Франции 1789 г. стрелка весов, на которые были положены «прогрессивные» и «реакционные» силы, склонялась в пользу первых, в отличие от России 1905 г. Но все же, если нужно найти хотя бы частично обоснованную историческую аналогию предреволюционных лет в России и во Франции, ее следует искать, как мне кажется, в предреволюционной Франции и в том временном отрезке Российской жизни, который привел к 1905, а не к 1917 г.

Действительно, трудно не заключить, что неудача первой русской революции, повлекшая за собой отказ интеллигенции от традиционной революционной линии поведения, существенно сказалась на структуре и характере второй революции. Поскольку мессианское чувство интеллигенции, столь горько оплакиваемое ее критиками в журнале «Вехи», бесспорно повлияло на рост революционных тенденций, а значит и на нестабильность существующего политического порядка, оно тем более способствовало, особенно с 1890-х гг., когда и народники и марксисты обратились к проблеме политических свобод, перерастанию нового чувства мобильности народной жизни в более важное чувство социальной сплоченности, а также, пусть медленному и ненадежному, наведению мостов через психологические пропасти, которые до сих пор разделяли российское сословное общество.

По тому же признаку можно утверждать, что неудачные попытки интеллигенции обеспечить эти мосты в 1905 г., даже в минимальных политических и социальных рамках, временно доступных широким слоям российского общества, и постепенная утрата ею в последние годы мессианского чувства существенно повлияли на характер и важность перегородок в российской жизни, которые мы рассматривали в этой работе. Как оказалось, на короткий промежуток истории, частично измененный политический порядок получил новый шанс на жизнь. Но эта краткосрочная мера **политической стабильности** была частично достигнута ценой обещания великой **социальной сплоченности**, великой **социальной стабильности**, которая существовала, по крайней мере, в городской России, в беспокойные годы, предшествовавшие 1905 г. Противоречия и конфликты, которые ранее в значительной мере наполняли русло общих политических целей, фактически привели к разделению их на разные революционные процессы, каждый из которых оказывал свое давление на царский режим, но, кроме того, содействовал этим разделением конечному разложению всего строя национальной жизни.

Так случилось, что в 1917 г. произошло крушение старого порядка и, одновременно с ним, объединение промышленного рабочего класса и в какой-то мере крестьянских масс, которыми руководило сочетание старых и новых причин для недовольства, против мертворожденного буржуазного общества и государства. И так случилось, что в агонии лет, последовавших за двумя отдельными революциями, Россия так и не смогла в течение многих лет вернуть себе историческое равновесие — найти свой собственный термидор.